

БЕРНАР

МИНЬЕР

ГРЕБАНАЯ

ТРИЛЛЕР

ИСТОРИЯ

**ЛУЧШИЙ ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ
РОМАН 2015 ГОДА**

Европocket. Главный триллер года

Бернар Миньер
Гребаная история

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Миньер Б.

Гребаная история / Б. Миньер — «Эксмо», 2015 — (Европocket.
Главный триллер года)

ISBN 978-5-04-092768-5

Этот роман получил престижнейшую европейскую литературную премию Polar de Cognac как лучший франкоязычный роман 2015 года, а его автор окончательно закрепил за собой репутацию живого классика французского триллера. Вся жизнь Генри – одна сплошная тайна. Его мать и отец, которых он толком не помнит, давным-давно погибли. Приемные родители увезли его на небольшой остров у берегов штата Вашингтон; они запрещают ему выкладывать свои фотографии в «Фейсбуке» и пресекают любые расспросы о его прошлом. А теперь Генри стал главным подозреваемым в убийстве своей девушки – ее нашли мертвой вскоре после того, как молодые люди на глазах у окружающих устроили бурную ссору. У юноши есть объяснение своей странной жизни. Но это совершенно нереальная история...

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-092768-5

© Миньер Б., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	8
1. Паром	8
2. Как молчаливый смычок	13
3. Королевство	19
4. Старшая школа «Пенси»	30
5. Банановый слизень	35
6. Два месяца раньше	38
7. Допросы	40
8. Послание	48
9. За двенадцать дней до этого	52
10. Логово	59
11. Пазл	63
12. Бессонница	67
13. Одиннадцатью днями раньше	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Бернар Миньер

Гребаная история

© Линник З. Перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Вначале это страх.

Страх утонуть.

Страх перед другими – теми, кто меня ненавидит, теми, кто желает разделаться со мной.

А еще страх перед правдой.

Вначале это страх

Я никогда не вернусь на этот остров. Даже если Дженнифер Лоуренс лично позвонит мне в дверь, умоляя вернуться, и то не сделаю этого.

Вот что я вам скажу с самого начала: то, что я сейчас расскажу вам, может показаться невероятным. Это не какая-нибудь обычная история, так я ему и скажу. Уж что нет, то нет. Это такая гребаная история. Ага, *нереально гребаная история...*

А теперь, чтобы, как говорится, возбудить у вас аппетит, вот такая картина: рука, которая высовывается из пропасти и тянется к небу, – бледная, с растопыренными пальцами, – после чего окончательно погружается в пучину. Вокруг меня ревет ветер с моря, в лицо хлещет дождь и океанские брызги, пока я плыву и удаляюсь от этой призрачной руки. Я плыву, пытаюсь плыть, волны приподнимают меня, уносят к оконечности острова, я ныряю в трехметровой глубины провалы между волнами и поднимаюсь на пенящиеся вершушки, кашляя, дрожа, наполовину утонувший.

Вначале это страх

Другое зрелище:

...дом весь в огне, я перед ним на коленях, плача и воя как безумный, и сирены, которые заполняют собой все пространство ночи.

– Сейчас я скажу вам кое-что другое, – говорю я ему. – Я знаю, что вам трудно мне поверить. Честно говоря, я не могу вас в этом винить. И, однако, все именно так и произошло.

В точности так.

* * *

Сидя в своем кресле, он смотрит на меня. Своими темными глазами. Он крупный, внушительных размеров. Должно быть, один его пиджак стоит дороже моей машины. Только что он взглянул на часы. Он ничего не говорит. Сколько ему лет? Сорок пять? Пятьдесят?.. Должно быть, он из того типа мужчин, которые нравятся женщинам.

– С чего начать? – спрашиваю я.

– С самого начала, – отвечает он.

Это уже лучше.

– Сколько у меня времени?

– Столько, сколько нужно, Генри.

– Очень хорошо, – киваю я. – Конечно, вы не обязаны мне верить.

Он молчит. Не выражает никаких эмоций. Этот человек – мой отец. Он прав: вернемся туда, где все началось...

...вернемся к самому началу.

Перед началом

Августовская ночь. Шум, грохот, треск, порывы ветра. Затем пронзительные свистки, которые эхо разносит по заливу, визги, которые похожи на звук от трения по поверхности туго надутого шарика. Пронзительные, раздающиеся все чаще и чаще. И плеск воды, волн.

Сидя в морском каяке, я внимательно смотрю на завесу тумана. Тишина. Луна освещает воду вокруг меня. Я сдерживаю дыхание. Появляется черный плавник, два, три, четыре – до одиннадцати... Мое сердце начинает биться чаще. Из тумана медленно появляются большие хищники в черно-белых одеяниях, выстроившись в один ряд, будто готовясь к сражению; их плавники рассекают воды, освещаемые полной луной. Я делаю один гребок веслом, затем другой – осторожно – в их направлении.

Кое-что, что нужно знать о косатках

Косатка – это сверххищник, самый опасный на планете; не известно ни одного из ее естественных врагов; она царствует на вершине пищевой цепочки. Это существо наделено необычайным умом. Каждая стая оседлых косаток имеет свой продуманный язык, сложный диалект, который отличается от тех, которыми пользуются другие стаи, и это одна из редких разновидностей, которые обучают последующие поколения своему мастерству. У оседлых косаток очень развито чувство общественного.

А еще есть косатки-кочевники...

Эти еще опаснее, еще безрассуднее, они рыщут по океанам в полнейшей тишине и большую часть времени – в одиночестве. Именно из-за них косатки заслужили свое прозвище «киты-убийцы». Они без колебаний нападают на морских млекопитающих больших размеров: тюленей, морских львов, морских свиней. Их боятся даже акулы и киты. А сами кочевые косатки не ведают страха. Они просто идеальные убийцы...

Косатка – хищник, не имеющий соперников, но она редко бросается на человека, разве что в неволе. Было бы хорошо выгнать всех туристов, развернуть все их лодки, которые с июня по октябрь грубо вторгаются на их территорию – которая к тому же и *моя*, – и оставить косаток в покое. Как это сделал я, в полной тишине, той августовской ночью. На борту своего каяка. В тот час, когда там никого, кроме них и меня. Я довольствовался тем, что приветствую их. Что смотрю, как они проплывают. Что оставляю их в живых. Так же, как и они меня. Они никогда меня не беспокоили. Никогда не пытались привести меня к моей нынешней жизни. Причинить мне вред. *Убить меня...*

Почему некоторые люди не способны поступить точно так же?

Кочевая косатка – самое жестокое из морских млекопитающих, но человек-кочевник – самый жестокий из всех млекопитающих, вместе взятых.

Известная истина. Которую мне еще предстоит открыть для себя.

* * *

Ночь в октябре: волны бьют в корпус. За спиной раздается характерное мужское покашливание: человек прочищает горло. Она поднимает глаза к ночному небу. В черных зрачках полет морских птиц на фоне луны. В уголке глаза появляется соленая слеза. Ее рот открыт, дыхание частое; ее сердце подпрыгнуло так высоко, что ей кажется, будто она сейчас выплюнет его на скользкие доски палубы.

Снова металлический скрежет за спиной. Хриплый крик. Как будто что-то точат. Порыв ветра в ее волосах, между ячейками сети.

Представьте себе страх. Ей всего семнадцать. Представьте себе такой страх, какой только сможете. Страх настолько сильный, что сокрушает вам сердце, и кажется, будто сейчас взорвется в груди. Страх, от которого деревенеют мускулы, будто пропитанные водой канаты, которые высохли и затвердели на солнце.

От волн палуба корабля качается, и она боится потерять равновесие. Особенно с этой тяжелой рыболовной сетью на голове и на плечах. Сквозь волосы она чувствует ее жесткие узлы, вдыхает запах водорослей, рыбы, дизельного топлива и морской соли, от которого выворачивает желудок. У нее нет ни малейшего представления, что она здесь делает, – просто чувствует на плечах весь вес перепутанных канатов, влажных и скверно пахнущих, водорослей, подобных узким ремешкам, цепей для поплавков. Она чувствует, как они тянут вниз и стекают на нее. И поток обрушивается ей на голову. Ей хотелось бы осмотреться, но сейчас так темно, так темно...

Однако он здесь, совсем рядом. Луч света слепит ей глаза, когда он возникает напротив и смотрит на нее, выглядывая из-под шуршащего капюшона. Это длится всего лишь секунду, но оно здесь, в ее зрачках: то, что ее ждет. Ее охватывает ужас. Он держится за поручень планшира¹, но для нее все это – лишь тени, клочья ваты, выкрашенные черным. Бледный, тоненький полумесяц луны, будто коготь, царапающий ночь, черные деревья, черный берег, ветер – и тесное пространство маленького рыболовного суденышка, опасное, полное крючков и острых ржавых краев, о которые она уже порезалась.

Между большим подъемником и кабиной; там, где он сейчас выполнит свою отвратительную работу.

– Тебе не следовало об этом говорить, – произносит он.

Его голос холодный, далекий и чужой.

– Теперь ты понимаешь?

Он переминается с ноги на ногу, взгляд устремлен на нее. Она дрожит. Ее рот открыт – пересохший, будто набитый густой кашей. И тут ее начинает тошнить. Будто приглашая исполнить какое-то нелепое танго, он обхватывает руками бесформенный ком сети с пучками водорослей, которые держат в плену ее тело, и толкает ее назад.

– НЕТ!

В это мгновение она не видит картин из детства, как это описывается в романах и фильмах... В этой мрачной октябрьской ночи нет никого, кроме нее и него. Она видит перед собой только цилиндрический силуэт спасательной лебедки – темный и угрожающий, с оранжевыми шарами буйков, прикрученными по сторонам, и завесу сети, которая еще соединяет ее с кораблем, – ватерлиния, линия жизни. Мгновением позже он толкает ее, и она отступает назад, в пустоту. Ее поглощает черная холодная вода. Она раскрывает рот, чтобы дышать, глотает воду, кашляет. Она борется, чтобы тяжесть сети не утянула вниз, но волны хлещут, накрывают ее, а затем отступают, чтобы снова пойти на приступ. Накатывает приступ паники и ужаса, она кричит, но тотчас же снова глотает воду, икает, ее желудок заполнен морской водой. Мотор меняет режим, и внезапно ее увлекает в кильватере на большой скорости, трясет, раскачивает, крутит. Руки на ощупь ищут выход между ячейками сети, ногти царапают веревки. Ее тело заоченело в холодной воде, слишком холодной. У нее начинается головокружение. Чем больше он ускоряется, тем больше она чувствует, что ее увлекает в глубину. Рядом с ней борется крупная рыба – палтус или лосось. Ее голова ныряет под волны, будто поплавок удочки, затем она выныривает и каждый раз делает глубокий жадный вдох, вбирая в себя морской воздух. Все меньше и меньше вдохов, меньше и меньше воздуха... Примерно секунду в шевелящейся соленой тьме, сознание охватывает невероятная ясность. Вся жизнь – будто вспышка, ясная и светлая.

Задолго до того, как над морем разгорается день, она уже мертва.

Ее глаза открыты, как у куклы, кожа – такая же белая и гладкая, как живот рыбы, застрявшей в ячейках сети.

По крайней мере, именно так все и должно было произойти, так мне это видится...

¹ Горизонтальный деревянный брус в верхней части фальшборта или борта шлюпок и беспалубных небольших судов. – Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. пер.

Часть I

1. Паром

22 октября 2013 года в 17.45 – уже почти стемнело – она сказала мне:

– Генри, я хочу сделать паузу.

Вот тогда, без сомнения, все и сработало. В конечном итоге именно такие моменты всегда и запоминаются. Они будто вехи нашего существования, будто маяки вдоль побережья. Во всяком случае, именно тогда я ее и потерял – как в прямом, так и в переносном смысле слова.

Полагаю, что начать эту историю будет логично на борту парома, не так ли? Я прожил семь лет на лесистом острове поблизости от Сиэтла. Не проходит и дня, чтобы я не думал о нем. Место? Где-то между Анакортесом на северо-западном побережье Тихого океана и Гласс-Айленд, на борту «Эльвы». Момент времени? Беспросветная ночь, полная тьмы и ярости, – настоящая штормовая ночь.

В тот вечер, я помню, холод пронизывал до костей, дождь на островах лил как из ведра, и вдали от огней парома, в черноте, было слышно, как рычит море, словно вечно голодный рассерженный зверь. Из-за адского шума восьми тысяч лошадиных сил и порывов ветра, воющего у нас в ушах, она повысила голос. Я сделал то же самое:

– ЧТО? Что ты говоришь?

Она поморгала, опустила глаза, снова подняла.

– Я знаю, мне следовало поговорить с тобой об этом гораздо раньше, но...

– О чем поговорить? – сказал я. – Наоми, о чем?

Из-за проклятого шума я тоже был вынужден кричать, чтобы меня услышали.

Паром качнуло, заставив нас почти танцевать на месте. Мы находились на нижней палубе, открытой всем ветрам, рядом с машинами, в то время как другие пассажиры уютно посиживали внутри, в тепле, на крепко закрытой палубе, рассказывая друг другу события минувшего дня.

Это Наоми настояла на том, чтобы спуститься сюда. Словно не хотела, чтобы нас видели вместе.

– Генри, я хочу, чтобы мы сделали перерыв. Паузу... На некоторое время... Чтобы во всем разобраться. Кое-что произошло. Мне нужно поразмыслить... И во всем *разобраться*...

– Что? Что ты такое говоришь? В чем разобраться?

Я не мог понять, какое это имеет отношение ко мне. От ветра тонкая каштановая прядь выбилась из-под капюшона. Наоми подняла глаза, ее взгляд остановился на мне.

– Генри, я обнаружила правду.

Она посмотрела на меня в упор. У Наоми были глаза цвета аметиста с оттенками незабудок и лазурита, с темным, почти черным кружком вокруг радужки, и опаловая роговица: глаза кошки.

– Какую правду? – спросил я.

У меня закружилась голова. Мир вокруг поплыл.

– Я обнаружила, *кто ты такой*.

Вот. Так все и началось.

Расставание – одно из тех, какие случаются миллионами каждый год в эпоху, когда все хотят счастья, но не хотят платить за это свою цену. В ту осень нам было по шестнадцать.

– Кто я? Но, послушай, о чем ты таком говоришь?

На этот раз Наоми не ответила.

– К чему все эти тайны? – спросил я. – Почему ты перестала писать мне сообщения, почему избегаешь меня? Что происходит, Нао?

Внутри все скрутилось тугим узлом. Вот уже целую неделю по утрам, едва проснувшись и созерцая пустой экран телефона, я чувствовал покалывание в сердце.

Больше нет эсэмэсок...

Всякий раз это наблюдение вызывало у меня приступ тошноты. Раньше не проходило и дня без короткого и нежного «с добрым утром». Всего три слова, каждое из которых свидетельствовало о глубине ее чувств. Нечто подобное я посылал ей каждый вечер. Перед тем как уснуть.

Вчерашнее послание было немного напыщенным. Там говорилось: «*Ничто нас не разлучит. Я люблю тебя. Я буду любить тебя всегда*».

Знаю, что такое разрыв.

Я видел Джоша Ландиса, очень бледного, готового расплакаться, в том захудалом пабе, когда Кейси Хиншоу объявила ему, что все кончено. Я видел Тесс Персон, отличную девушку, несколько недель пребывавшую в раздрае, когда эта сволочь Шэнна Макфадден распространил видео, где Дэнни Ловаш, бывший дружок Тесс, клянется и божится, что Тесс для него ничего не значит. Знаю, что такое разрыв.

Но не мой, не наш с Наоми.

Только не *мы*.

С нами такое не могло произойти. Мы – это на всю жизнь. JMNS² – пока смерть не разлучит нас. Это была наша мантра.

Знаю, что вы думаете: «Шестнадцать лет...»

Ну и что? Некоторые люди начинают встречаться в этом возрасте и остаются вместе на всю жизнь. Я смотрел на Наоми. В тот вечер она выглядела грустной. Бесконечно грустной. *Откуда исходила эта грусть? От меня? От кого-то другого?* Вопросы бились о стенки моего черепа, как волны о корпус парома. Это ведь моя подружка, девушка, которую я люблю. Та, с которой я хотел провести всю оставшуюся жизнь. Проклятье, меня охватило такое чувство, будто мои внутренности пожирает дандженесский краб.

– Черт возьми, может, скажешь мне наконец, что происходит? Что я такого сделал? У тебя появился другой, так?

Сам того не желая, я повысил голос до крика.

В первый раз за все время разговора она пристально посмотрела на меня, и я почувствовал, что между нами даже не пропасть, а бездна, световые годы. Еще несколько недель назад мы были так близки. А теперь бесконечно далеки.

– Наоми...

Я протянул руку и осторожно поймал ее палец.

– ОСТАВЬ МЕНЯ!

Я испытал потрясение. Наоми резко высвободилась, как если б случайно сунула палец в розетку, словно ей отвратительно само мое прикосновение. И она отступила.

На шаг...

Затем на два...

И вдруг разрыдалась.

– Ты что, не видишь, что происходит? – выкрикнула она, вытирая текущие по щекам слезы и отступая еще дальше. – Ты не видишь, что этот остров с нами делает, с твоими друзьями и с тобой? Ты не понимаешь, что *все скоро закончится?*

Я спросил себя, о чем, черт возьми, она говорит.

² Joint Mission Needs Statement (*англ.*) – заявка на выполнение задания, военный термин. Jusqu'à ce que la Mort Nous Sépare (*фр.*) – пока смерть не разлучит нас. В виде аббревиатур выглядят одинаково.

– Что значит «скоро закончится»? При чем тут мои *друзья*? – недоверчиво произнес я. – И о чем ты вообще говоришь?

Я сделал шаг к ней, но она шагнула назад.

Я сделал еще один шаг...

Она отступила на такое же расстояние...

Это походило на танец – но танец опасный, зловещий и горький.

Мы покинули убежище – главные палубы в центре корабля, и сверху на нас полился ледяной дождь, молотя по голове, стекая по затылку под воротник, но я не обращал на это ни малейшего внимания.

– Наоми, – нежно повторил я.

И снова шагнул вперед.

Она отступила.

– Не приближайся.

Ее бедра уже касались планшира, там, где он был опасно низким: почти в самом носу парома. От падения в бушующие волны вас удерживает только цепь. На этот раз ей действительно пришлось остановиться.

– Напоминаю тебе, что это и *твои* друзья, – проговорил я. – Разве мы не были всегда лучшими в мире друзьями? Разве мы не считали себя семьей? *Мне подобный, мой брат* – помнишь?

Наоми с отвращением покачала головой.

– Уходи, – выдавила она сквозь рыдания. – Пожалуйста, уходи.

Теперь в ее голосе звучало что-то другое. Это был *страх*. Она боялась меня. Как, ну как такое вообще может быть возможно?

– Наоми...

– Пожалуйста, Генри.

Она заикалась, слезы – или все-таки дождь – струились по ее щекам. За спиной ревело голодное море. Его белые гребешки взрывались, будто гейзеры, высокие, как дом, у носовой части, в пяти метрах от нас, и хлопья пены периодически оседали на наших лицах.

Я схватил ее за запястья.

– ПУСТИ МЕНЯ, ЧЕРТ ПОБЕРИ!

Она закричала. Дурным голосом. Это меня разозлило.

Я сделал движение.

Лишнее движение.

Я стал трясти ее как грушу, пытаюсь привести в чувство. Да, прямо рядом с планширом, в паре сантиметров от зияющей бездны. Знаю, могло показаться, что я обезумел. Наоми взвизгнула и принялась отбиваться. Как истеричка. Она выглядела так, будто чертовски боится. Наверное, подумала, что я собираюсь толкнуть ее за борт. Как ей такое могло прийти в голову? Как она хоть на миг могла предположить, что я на такое способен? Пожалуй, именно это тяготит меня больше всего.

Наоми изо всех сил оттолкнула меня, и я упал, не удержавшись на ногах, прямо на залившую водой палубу. Новое облако пены окатило меня, как из душа. Наоми пошатнулась и на секунду зависла над бездной. В жутком онемении я смотрел, как ветер треплет ее капюшон, волосы развеваются, будто танцуют, глаза вытаращены от ужаса, а за ее спиной углубления и холмы черной воды в бахроме пены...

– Эй! – взревел работник парома, скатываясь по ступенькам. Должно быть, он увидел нас в окно рубки или, скорее всего, в камере внешнего наблюдения. – Что вы здесь творите?!

...но в последний момент Наоми удалось восстановить равновесие резким движением поясницы, чем она и воспользовалась, чтобы обогнуть работника и исчезнуть на лестнице, ведущей на верхние палубы.

– Наоми!

Я бросился за ней, но она уже исчезла наверху лестницы. Этот тип схватил меня за рукав.

– Поднимайтесь наверх! – заорал он. – Сдурели совсем, что ли? Опасно, неужели не понимаете?

О да, это я прекрасно понимал.

Я взобрался по лестнице, перешагивая через ступеньку, бросил рассеянный взгляд на свисающую с потолка камеру, в обзоре которой находилось все это тесное пространство сверху донизу.

Я искал ее. Повсюду. На закрытых палубах, в толпе пассажиров, сидящих вокруг столов или в креслах, стоящих рядами; среди тех, кто зависал в баре, среди посетителей туалетов, среди остальных учеников школы, даже снаружи, на открытых палубах, – там, где в такую ночь не было ни единой живой души и где ветер завывал сильнее всего.

Никакой Наоми.

Нигде.

* * *

Я вернулся за наш стол; по моему лицу текла вода, волосы и одежда – хоть выжимай. Чарли заметил меня первым и удивленно вылупил:

– Черт, Генри! Ты мокрый насквозь! А где Наоми?

– Не могу найти, – ответил я.

Кайла и Джонни подняли глаза от своих смартфонов.

– Что? Но вы же были вместе, вас видели, когда вы спускались...

– Мы подумали, что вы хотите заняться «этим» в машине, – улыбаясь, добавил Джонни.

Я никак не отреагировал.

– Генри, что происходит? – спросил Чарли, заметив мое состояние.

– Не знаю, куда она пошла... Я повсюду ее искал... но так и не нашел...

– Но вы же были вместе.

– Я знаю... знаю.

– Так. – Чарли встал, бросил взгляд на двух остальных: – Вы остаетесь здесь. Если она появится, позвоните. А мы идем искать Наоми.

Мы возобновили поиски, прошли всюду, где прошел я.

Внезапная вспышка в памяти. Мысленно я снова пробегаю переходы и залы, рассматривая лица, вглядываясь в силуэты. И кое-что привлекло мое внимание. Например, присутствие на борту Джека Таггерта. Он сидел в глубине зала, перед дверью, ведущей в заднюю часть корабля, и, несмотря на час пик, за столом, кроме него, никого не было. Все присутствующие на борту – или почти все – знали Джека лично и не имели никакого желания с ним пересекаться. Таггерт жил один в чаще леса, на труднодоступной оконечности острова у подножия Маунт-Гарднер, самой высокой на Гласс-Айленд, достигающей двух тысяч четырехсот восьми футов, или семисот тридцати двух метров. У него была репутация грязного типа, и поверьте мне, иногда репутации бывают заслуженные. В тот вечер он складывал пазл. На паромах всегда есть пазлы.

– Должно быть, она заперлась в одном из женских туалетов, – заметил Чарли. – Ты их проверил?

– Нет, конечно.

– Значит, она точно там.

Его уверенность была заразительна. Чарли – из тех парней, которые редко в чем-либо сомневаются. Если только вопрос не касается девчонок. Такие идут по жизни, подняв все паруса. Он положил руку мне на плечо:

– Все прошло плохо, да?

На долю секунды я прочел в его взгляде кое-что еще, помимо сочувствия: интерес и любопытство.

Я кивнул.

Он взял меня за руку и повел к нашему столу.

– Вы ее нашли? – спросила Кайла.

Чарли сделал ей знак не касаться этой темы.

* * *

– Она решила доехать с кем-то еще, – пояснил устроившийся рядом со мной Чарли несколько минут спустя.

Лицо его было освещено задними фарами стоящего впереди нас автомобиля и огоньками приборной доски.

Я сидел за рулем машины на погруженной в сумерки внутренней палубе, сраженный чудовищной тоской. Я знал, что он прав. Паром «Эльва» – индейское название племени чинук, которое означает «прыжок» или «лось», – способен вместить больше тысячи человек и сто сорок четыре автомобиля. А это целая толпа. Наоми вполне могла спрятаться от нас или просто попроситься в машину к какому-нибудь другому ученику – парню или девушке.

В недрах корабля раздались звуки сирен. Завертели мигалки, отбрасывая на лобовое стекло оранжевые отсветы. Я включил дворники, и мы медленно поползли в очереди по направлению к тусклым огням Ист-Харбор, в то время как работники в желтых жилетах размахивали своими светящимися палками.

2. Как молчаливый смычок

Меня зовут Генри Дин Уокер.

Я люблю книги.

Фильмы ужасов.

Косаток и «Нирвану».

И мне шестнадцать лет.

Я живу на Гласс-Айленд, на острове к северу от Сиэтла, в нескольких морских милях от Тихого океана, на западе от Беллингхэма и округа Уотком – последней остановки перед американо-канадской границей. Остров принадлежит к архипелагу Сан-Хуан, который насчитывает семьсот пятьдесят островов и островков во время отлива и больше сотни – во время прилива. Разбросанные в беспорядке, они покрыты лесом, маленькими живописными портами и дорогами. Дорог много. Они цепляются за карнизы в наших густых лесах, нависают над лиманами и заливами, извиваются, будто ручейки, – концепция Америки.

Здесь их удлинляют паромы. И вместо акул у нас косатки. Зимой, весной и осенью идет дождь. А не дождь – так туман, такой густой, что не видно ни побережья, ни даже верхушек елей, и уж совсем не видны снежные цепи Каскадных гор в сотне километров на восток. Летом дождь тоже идет – но реже. В теплое время года туристы приезжают со всего мира, чтобы увидеть косаток. С раннего утра они занимают очередь на дорогах, ведущих к причалам паромов, оккупируют обычные и мини-гостиницы, предлагающие ночлег и завтрак, пьянствуют без меры, делают тысячи снимков, которые не замедлят удалить или засунуть поглубже в память компьютеров, десятками швартуя в бухтах свои парусники и яхты. Этот летний ажиотаж с июля по октябрь связан с фильмом «Освободите Вилли»³, который частично снят на наших островах и сделал косаток настолько популярными, что любой прибывший сюда дурак желает только одного: увидеть хотя бы одну, прежде чем вернуться домой.

Но едва туристы разъезжаются, Гласс-Айленд снова обретает спокойствие. И тесноту... Здесь все со всеми знакомы. Здесь все по-домашнему. Это одна из особенностей нашего острова: в противоположность Сиэтлу, Ванкуверу или даже Беллингхэму местные жители оставляют двери незапертыми, отправляясь за покупками, а то и ложась спать. Конечно, роскошные летние резиденции в Игл-Клифф⁴ и Смагглерс-Коув⁵, закрытые семь месяцев из двенадцати и захватившие самые живописные бухточки острова, защищены получше, но и то вряд ли. Надо сказать, что наш остров – нечто вроде природной крепости. Для начала: сюда не так-то просто попасть. Добрый час на пароме из Анакортеса в Ист-Харбор, и уже оттуда ведут более десятка дорог и столько же тропинок, запрещенных для пешех прогулок, перегороженных у основания ржавой цепью или барьером, на котором можно прочесть: «ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ». К тому же тут не так много мест, где может пристать лодка. Ставить палатки запрещено, гостиниц всего две, и в сезон большинство туристов ночует у местных жителей.

Как я уже говорил, все со всеми знакомы. Секретов у здешних людей нет. Или же они вынуждены похоронить их глубоко внутри самих себя.

Это и есть Гласс-Айленд. По крайней мере, как я думал.

Я расставляю декорации, так как это имеет значение. Но это не мой дом. На самом деле у меня вообще нет своего угла: мы много путешествовали, много переезжали – мои мамы и я. Мы жили в таких крупных городах, как Балтимор, или труднодоступных, как Марафон во Флориде, Порт-Оксфорд в Орегоне и Стоу в Вермонте. Можно подумать, что мы от чего-то

³ Трехсерийный семейный фильм о косатке по кличке Вилли и мальчишке Джесси, ее друге.

⁴ Орлиные Скалы (англ.).

⁵ Бухта контрабандистов (англ.).

убегали. От чего-то бежали. Вопрос только от чего. На сегодняшний день я не получил другого ответа, кроме шуточных отрицаний со стороны обеих мам.

– Послушай, Генри, чего ты доискиваешься? Мы любим живописные места, вот и всё!

Хотя как-то нам даже пришлось переезжать посреди ночи, сорвавшись с места.

– Генри! Быстро! Одевайся!

Мне тогда было девять лет. Я этого не забыл, хоть мамы думают по-другому. Потом мы восемь месяцев жили в Одессе, штат Техас. А месяцем позже обосновались на Гласс-Айленд. Иначе говоря – возьмите карту, – на другом конце страны. И вот уже семь лет мы здесь. Прямо рекорд.

Я люблю своих мам. Их зовут Лив и Франс (пишется как название страны). Я их очень люблю, правда. Но иногда мне случается находить их чуточку, совсем немного... чересчур *авторитарными*. Например, мне категорически запрещено выкладывать свои фотографии на «Фейсбуке». И не только в социальных сетях, а также на сайте знакомств или в личном блоге. Считаете это странным? Я тоже. Я сказал им это. Их ответ:

– Генри, ты не понимаешь: все, что ты выкладываешь в Интернет, это навечно. Понятия *частной жизни* для этих людей не существует. Наша частная жизнь их не волнует. Даже хуже того: они намерены делать на ней деньги. Засветиться в Интернете – это все равно что шататься голышом по стеклянному дому. Понимаешь, что я хочу сказать? В тот день, когда ты станешь взрослым и захочешь удалить все эти штуки, за которые тебе потом будет стыдно, знаешь, что тебе ответят? *«Извини, приятель, раньше надо было думать»*. – Это слова Лив.

– Более того, они обещают неприкосновенность твоей частной жизни, но когда правительство потребует от них выдать конфиденциальную информацию, они без колебаний это сделают, слегка посопротивлявшись для вида. Сволочи. – Это снова Лив.

Франс, на языке жестов:

«Никаких фото, никаких видео, ты хорошо понял?»

Я занес в свою тетрадку это новое слово: «колебаться». Я мечтаю стать писателем, или кинематографистом, или музыкантом – сам еще не знаю. Во всяком случае, человеком искусства в современном смысле этого слова.

Со школьными фотографиями то же самое: всякий раз в день съемки Лив и Франс требуют, чтобы я остался дома. По крайней мере, с тех пор, как эти снимки начали выкладывать в Интернет, так как в глубине картонных коробок хранятся старые «альбомы года» из начальной школы. Почему я никогда ничего не пытался узнать? Я попробовал, клянусь. Ну, *немного. Не так чтобы сильно...*

Думаю, я сам боялся ответа...

* * *

Есть один сон, который я очень часто вижу. Нет, не часто – каждую ночь или почти каждую. Например, вчера. Когда я задремал, мне начало сниться море. Это всегда один и тот же сон. Уснувший пригород, целые семьи погружены в беспокойный сон. Мама сидит на краю моей кровати; я отчетливо вижу, что ей страшно. Сколько же мне тогда было: три года? Наверное, меньше... И так как маме страшно, мне страшно вдвойне. И еще вот что: это не мама Лив и не мама Франс, это другая мама. Прекрасная, как ясный день. Но испуганная, очень испуганная.

– *Генри, не шуми, он здесь*, – говорит она мне.

Я не осмеливаюсь спросить, о ком она говорит, но голос, которым она произносит слово «он», приводит меня в ужас, и я трусливо прячусь под одеяло. Мама встает и смотрит в окно. Что она видит внизу на улице? Вероятно, ничего. Кроме погруженных в темноту фасадов домов и машин, припаркованных на аллеях и вдоль тротуаров. Воздух *живой*, но дремлющий

вместе с их потухшими фарами. Затем она возвращается ко мне, бледная, но улыбающаяся, треплет меня по волосам:

– *Все хорошо, ничего нет; ты хочешь поспать сегодня с мамой?*

Этот вопрос снимает с моей груди огромную тяжесть ужаса, и я начинаю кивать изо всех сил. Это нежная, очень нежная летняя ночь, но тревожное оцепенение словно загрязняет ее.

* * *

Вернемся к моим мамам. Я люблю их больше всех на свете. Благодаря им я получил самое лучшее воспитание, какое только возможно, и речь идет не только о приобретенных навыках. Если во мне и есть недостатки, то точно не по их вине. Дайте же мне поговорить о них. Лив маленькая, импульсивная, темноволосая и крепкая. Франс более крупная, светловолосая, мягкая, ленивая. Она напоминает летний вечер, который проводишь, любуясь заходящим солнцем в проливе Хуан-де-Фука, или же *адажиетто*⁶ из Пятой симфонии Малера. Они мне не настоящие мамы, я приемный ребенок. Помню, как Шейн Кьюзик выкрикнул во дворе школы:

– Эй, Эйнштейн, которая из них твой папа?

Тут же последовало ржание этих уродов, Поли и Рейна, – двух кретинов, которых уже отстраняли от занятий, Поли на пять дней, а Рейна на триместр. Что же касается Шейна, он побывал в участке у шерифа Крюгера, и его едва не выслали, когда он сломал руку Малкольму.

С девяти до тринадцати лет я был лунатиком. Посреди ночи меня находили в гостиной, в пижаме, совершенно изможденным, в свете луны, заглядывающей в окно, – прямо маленький мальчик из «Ближних контактов третьей степени»⁷.

Как-то раз Лив даже нашла меня во дворе. Я стоял босиком на мокрой траве, лицом к открытой сторожке, – где я повернул выключатель, – как мотылек, зачарованный светом. Был уже первый час ночи. После этого, как только я засыпал, мамы запирали двери, окна и вешали колокольчик на ручке двери моей комнаты. До четырнадцати лет такие приступы случались со мной еще несколько раз, а затем все резко прекратилось. Мама Лив прозвала меня маленьким мечтателем, бродящим во сне. К счастью, прозвище по ходу дела затерялось.

Доктор пояснил, что причина тому – наши многочисленные переезды. Что во сне я отправляюсь в прошлое, ищу свой бывший дом – *первый домашний очаг*, как он это назвал, – и не узнаю его. Думаю, он сказал это, чтобы хоть что-нибудь сказать, а на самом деле он ничего не знает. Просто существует переходный возраст между детством и юностью, когда те антенны, которыми мы воспринимаем тайны мира и которые гораздо сильнее, чем у взрослых, становятся необычайно мощными. Пока возраст, гормоны, взрослый рационализм и воспитательная система не подавляют окончательно наше ощущение чудесного.

Когда я открываю книгу своего детства и переворачиваю ее страницы в своей памяти, я нахожу их невероятно богатыми. Собака Стаббсов, однажды порвавшая мне штанину, когда я выходил из школьного автобуса. По какой-то неясной причине, засевшей в ограниченном собачьем разуме, эта псина меня невзлюбила. Крысы, застреленные из пневматического карабина на свалке Ковен-Пойнт. Это была целая гора из отбросов, грязных сгнивших матрасов, остатков еды, упаковок от зефира и рисовых хлопьев, протянувшаяся до самого ручья Ковен-Крик между густыми зарослями ежевики и бурьяна, словно Эверест из дерьма. Мать Джимми Ломбарди, красота которой ослепляла не хуже солнца. Летом она всегда вставляла в корсаж пару распустившихся цветков. Старый Теренс, который ненавидел детей и у которого днем и ночью были опущены жалюзи. О том, что происходит в его доме, сочинялось множество ужасных историй: похищенные малыши, жена, уже сорок лет прикованная к инвалидному креслу,

⁶ Обозначение темпа, среднего между адажио и анданте, а также название небольшой медленной пьесы.

⁷ Фильм Стивена Спилберга 1977 г., в центре сюжета – встреча людей с инопланетной цивилизацией.

тайные сборища престарелых гангстеров... Представьте себе все это, если сможете, – включая инопланетян, выбравших (не спрашивайте меня, почему) дом этого полусумасшедшего старика в качестве плацдарма для завоевания Земли.

А потом было окончание учебного года и возвращение после каникул. А еще непонятно почему на нашем острове июль и август были синонимом праздников, мороженого, туристов, музыки, спектаклей, велогонок, парусов, хлопающих на ветру, смеха, волнения, новизны – и *приключений*... Сезон начинался 4 июля парадом машин, ликующей толпой, петардами и развешанными на фасадах гирляндами разноцветных шаров. Для десятилетнего мальчика лето казалось таким же сказочно долгим, как путешествие через Атлантику в конце XV века, а возвращение в школу – таким же далеким, как *Ост-Индия* для Христофора Колумба.

Таким и был наш остров в глазах ребенка: самый красивый, самый необычный, самый незаменимый из всех земель. И, как моллюск «морское блюдечко», я хотел только одного: провести всю жизнь здесь, на прибрежных скалах. Но если ребенку нравится в любом месте, то, когда ему исполняется шестнадцать, все становится по-другому. Теперь этот остров с долгими месяцами дождей и слишком коротким летом, его оторванность от мира – целый час на пароме, чтобы попасть на континент! – казались мне тем, чем он и был: тюрьмой.

* * *

Как я уже говорил, я мечтаю стать писателем.
Или кинематографистом.

* * *

Не особенно удивляйтесь моей манере выражаться. Я просто образованный молодой человек, образованный, как и положено всем в моем возрасте, не совсем такой, как кретины из школы. Они вконец распоясались, высказываясь про Уолта Уитмена⁸, когда учитель по литературе попросил их прокомментировать «Листья травы». «Охреневший ублюдок», «педик, как и все стихоплеты» – вот пара комплиментов, адресованных великому человеку этими пользователями «Твиттера». В доказательство своей нормальности хочу сказать, что я люблю триллеры и группу «Нирвана». Стены моей комнаты увешаны постерами фильмов «Техасская резня бензопилой», «Восставший из ада», «Зловещие мертвецы-2», «Хостел» и даже «Дракула» Тода Браунинга.

«К тебе всегда приятно войти, Генри: такое впечатление, что попадаешь в музей ужасов» – это слова Лив.

И каждый год мы с Чарли совершаем паломничество в Музей популярной музыки в Сиэтле, только для того чтобы увидеть необычную интерактивную галерею, посвященную группе из Абердина⁹.

Мое любимое произведение? «Поворот винта»¹⁰.

Мой любимый фильм? «Экзорцист», а еще «Проклятие» и «Кольцо».

Мой любимый альбом? «In Utero»¹¹.

⁸ Уолт Уитмен (1819–1892) – американский поэт и публицист, реформатор американской поэзии. Сборник первых стихов «Листья травы» – проникнут идеей об очищающей человека близости к природе.

⁹ Имеется в виду Абердин, шт. Вашингтон, родной город Курта Кобейна, где он начал создавать группу «Нирвана».

¹⁰ Новелла Генри Джея.

¹¹ Третий и последний студийный альбом американской группы «Нирвана», выпущенный в 1993 г. Буквальный перевод – «В утробе» (англ.).

* * *

Наутро после той несчастной ссоры на пароме я проспал, не услышав будильника. Зато уловил голос Лив, которая кричала с нижнего этажа:

– Генри! Генри! Ты видел, который час?

Я спешно принял душ, накинул первые попавшиеся под руку шмотки, схватил учебники по математике и биологии и спустился вниз. На ступеньках взглянул на свой телефон, и сердце снова сжалось.

Никаких посланий.

7.02 утра. Я знал, что она давно проснулась, Наоми ранняя пташка. Но теперь мне не на что надеяться, это я тоже знал.

В то утро мама Франс подстерегала меня на кухне, зябко кутаясь в полы своего фланелевого халата, с чашкой исходящего паром кофе в руке. К оконным стеклам так и приклеивался густой туман. Замерев на миг, я поднес открытую ладонь к лицу, приставив большой палец к подбородку, чтобы сказать:

– *Мама.*

Она улыбнулась и прижала кулаки друг к другу:

«Холодно».

Я громко ответил «нет»: мама Франс – глухонемая, но умеет читать по губам. Она соединила указательный и средний пальцы обеих рук и раздвинула их, подняв брови:

«Яичницу?»

Я сделал знак, что нет, и наскоро проглотил чашку кофе. Затем направился к двери, чувствуя спиной ее тяжелый взгляд. Из столовой доносились голоса, точнее, голос Лив. Пахло омлетом, жареным беконом, тостами с брусникой и кофе. У нас проживала пара квартирантов-европейцев. Они приехали не в сезон и в тот день как раз отбывали в Британскую Колумбию¹². Наверное, они нашли адрес в Интернете: Лив и Франс держат мини-гостиницу. Конечно, это не то, чем они предполагали заниматься, прибыв сюда, учитывая, какие бурные споры случаются у них порой: Лив повышает голос, Франс быстро-быстро двигает руками во всех направлениях.

Лив долго надеялась стать виолончелисткой в симфоническом оркестре Сиэтла или получить приз Беатрис Херрманн лучшей молодой музыкантше, присуждаемый каждый год в филармонии Такомы¹³. Она великолепная исполнительница, и ее главная фанатка – Франс, которая обожает *смотреть*, как она играет, и может долго сидеть зачарованная, будто кошка, загипнотизированная движениями бантика на веревочке. Но Лив для таких достижений немного слабохарактерна и старовата. Франс работает на знаменитую транснациональную корпорацию по микроэлектронике, располагающуюся в Редмонде, в которой задействовано немало людей с инвалидностью. Иногда Франс отсутствует по неделе, но во время каникул и уик-эндов непременно помогает Лив по дому. Они обе обставили его старыми сундуками, широкими кроватями, украсив занавесками из льна и хлопка, предметами с блошиного рынка, цветами, папоротниками, коврами, книгами и «ловцами снов».

Сам дом – обычное шале на северо-западе Тихого океана, с крышей, покрытой дранкой из кедра, угловыми окнами и террасой, откуда открывается потрясающий вид на пролив и горы. Непрерывный ряд дорожек, покрытых досками, и лестниц, спускающихся к самой пристани, – сначала постоянной, потом съемной, в конце которой покачивается моторная лодка. Дом не мешало бы покрасить, если вам интересно мое мнение, он давно облупился. Крыша позеленела

¹² Провинция на западе Канады.

¹³ Город в округе Пирс на северо-западе США, штат Вашингтон, в 51 км к юго-востоку от Сиэтла.

от мха, морская соль разъела оконные рамы, водостоки забиты листьями, склон зарос кустами и молодым деревьями, но здесь хорошо, а внутри тепло и уютно, как в гнездышке.

Вот такая она была, жизнь на Гласс-Айленд: тихая, мирная и безмятежная, как зрелище молчаливого смычка. На пне кто-то вырезал:

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Не знаю, кто это сделал. Может быть, один из туристов, которые каждый год восхищаются островом и мечтают разом оставить свое городское жилище, напряженную жизнь, где все подчинено технологиям и бегу наперегонки со временем, чтобы приехать и поселиться здесь. Но это хороший краткий обзор, предшествующий истории, которая последует дальше. Тогда я еще не знал – однако скоро мне предстояло узнать, – что всякий рай создан для того, чтобы быть потерянным.

И что всякая книга Бытия начинается с преступления.

3. Королевство

На сегодняшний день на этой планете 7 212 913 603 жителей. Каждый день рождается 422 000 человек. В среднем 170 000 человек умирает, что означает чуть больше 12 миллионов в месяц и 154 миллиона смертей в год. Если вы думаете, что ваша жизнь, ваша маленькая личная жизнь, ваше эго и все, что с ним связано, важны, – соотнесите их с этими цифрами. И если вы верите в Бога, то скажите себе, что Он – это должностное лицо, у которого слишком много папок на рассмотрении одновременно при недостаточном финансировании.

На сегодняшний день существует 6,8 миллиарда абонентов мобильных телефонов и 2,8 миллиарда доступов в Интернет.

Но Чарли есть только один.

Чарли – мой лучший друг.

Чарли – это нечто исключительное. Он, без тени сомнения, – особенное человеческое существо.

Немного информации из первых рук о моем друге Чарли

Чарли всегда опаздывает. Чарли девственник. Чарли комплексует из-за своего внешнего вида. Чарли носит рубашки с застегнутым воротником. Чарли одержим сексом. Он обожает непристойные истории; между нами говоря, – особенно связанные с задницами. Чарли – парень циничный. И наглый. И смешной. Очень-очень смешной... Но, по правде говоря, когда тебе шестнадцать, важнее всего не быть, а делать вид. Чарли делает вид, что он циничный, он делает вид, что наглый. На самом деле Чарли – лучший из лучших. Чарли – самый лучший друг, о каком только можно мечтать.

В тот день, 23 октября, я толкнул дверь магазина «Кен & Гриль» в верхней части главной улицы. «Бакалея, бензин & дизельное топливо, напитки, видеозаписи», как гласит большая вывеска на расписном фасаде с исторической табличкой: «С 1904 года». А внутри плакат со словами: «Завтрак, буррито, свежие сэндвичи, свежий вай-фай, фантастический магазин, сказочные закуски, сверхтонкий гриль и отличный бар». В то осеннее утро за окном сгустились темнота и туман – пелена, пахнувшая приливом, рыбой и дизельным топливом, как во всех портах мира. И множество звуков. Неутомимое лязганье радиомачт в порту; скрип ржавой вывески магазина, раскачивающейся под порывами морского ветра, крики чаек, которые, казалось, путались в тумане; завывание самого ветра, которое то делалось громче, то стихало, то начиналось по новой; приглушенная ярость моря – далекая и таинственная; «тук-тук-тук» невидимой моторной лодки, покидающей порт...

Внутри царил тишина, если не считать потрескивания неисправной неоновой лампы в пустом магазине и гудения стоящих в ряд морозильных камер справа, пока я двигался к торговому автомату слева от меня.

Затем раздался звон монет, которые я бросил в автомат. Чарли должен быть здесь. Где же он?

Я увидел, что мое лицо отражается в подсвеченном окошке раздатчика. Мое осунувшееся, бледное лицо. Шоколадка скользнула к концу лотка, когда позади меня вдруг раздалась музыка. Я подпрыгнул вверх, как если б пол вдруг превратился в трамплин. Музыка пронзительная, резкая: AC/DC¹⁴, «Лезвие бритвы». Повернувшись, я ощутил, что от ужаса кровь застыла у меня в жилах, как говорится в романах Стивена Кинга и Лавкрафта. На полу, примерно в четырех метрах от меня, из ряда морозильных камер торчали ноги Чарли. Чуть раз-

¹⁴ AC/DC – австралийская рок-группа.

двинутые. В позе «десять часов, десять минут». Я узнал музыку – она была вместо звонка у него на мобильнике, лежавшего, должно быть, в его кармане, – и его фирменные кроссовки.

– Чарли! – закричал я. – Чарли, вот дерьмо, Чарли!

Я бросился к нему. Музыка смолкла, и вновь воцарилась тишина – густая, как гороховое пюре. Чарли не шевелился. Целую секунду, приближаясь к стоящим в ряд холодильникам, я был убежден, что он без сознания или мертв.

– ЧАРЛИ!

– Мать твою, Генри, ты не мог бы орать чуть потише?!

Он был там – неподвижно лежал, вытянувшись на полу. И без всяких признаков жизни... Его голова находилась между ног манекена, одетого в последнюю модель этого лета, как там было написано. Непонятно, почему одежду все еще не заменили на зимнюю. Взгляд моего друга был устремлен на промежность вышеуказанного манекена, прикрытую крохотным кусочком голубой ткани.

– Ты что, не видишь, что я сосредотачиваюсь?

– Совсем с катушек съехал?

– Ты так думаешь? Я просто пытаюсь представить его с киской.

– Что?

– Ты не понимаешь, о какой киске идет речь?

– Черт возьми, Чарли!

Он встал, вытер ладони об себя, зевнул и потянулся.

– Что? Хочешь сказать, что никогда не видел...

О нет, Чарли, пожалуйста, только не сегодня...

– Я тебе запрещаю...

Он поднял руки в знак мира, заправил прядь волос за ухо. Волосы у Чарли прямые, черные, как вороньи перья, и разделены посередине пробором, очень четким – можно даже видеть кожу головы. Так как они чуть длинноваты, он постоянно заправляет их за уши.

– Ладно, ладно, не будем об этом говорить.

Чарли схватил свой рюкзак и черный скейт «Зеро» с черепом, стоявший позади прилавка, где находится кассовый аппарат, затем посмотрел, кто звонил ему на мобильник, и живот у меня скрутило при мысли о моем телефоне – безнадежно молчащем.

– Черт, еще реклама... Знаешь что, Генри? Тебе следовало бы время от времени ходить налево, чтобы немного расслабиться.

Он посмотрел на меня. Мы вышли за дверь магазина, вернувшись в октябрьскую ночь, полную тумана и морских запахов.

– А тебе следовало бы перестать развлекаться с самим собой, – сказал я, направляясь к машине.

– Ну, знаешь ли, – возразил Чарли, закрывая дверь магазина, – порой эта штука распухает до размера артишока, приходится ее полировать! Если б мастурбация была олимпийским видом спорта, у меня была бы золотая медаль! Я Усэйн Болт¹⁵ дочки!

Он чуть ли не кричал, и я бросил обеспокоенный взгляд на окна дома его родителей, расположенного сразу за магазином. Эти люди не пропускают ни одной воскресной службы и свято верят, что этот самый мир был создан за семь дней. Хотя уже в момент знакомства я почувствовал, что Чарли заставляет себя разыгрывать эту клоунаду, – как комики, которые должны отыграть шоу даже в момент траура или расставания. В этом был весь Чарли. Таков он, мой лучший друг.

¹⁵ Усэйн Болт (р. 1986) – великий ямайский легкоатлет, специализировавшийся в беге на короткие дистанции, восьмикратный олимпийский чемпион и 11-кратный чемпион мира.

* * *

Я прибыл на этот остров семь лет назад, то есть когда мне было девять. Но Чарли, Наоми, Джонни и Кайла живут здесь гораздо дольше, а кто-то и вовсе жил всегда. Это их королевство – а также и мое, с тех пор как они приняли меня в свою команду. Как сказал Генри Миллер: «Все, что не посреди улицы, фальшиво, вторично – иными словами, литература». И улица стала нашим домом. Ну, почти. Были еще, конечно, Шейн, Поли и Райан – эти трое отбросов, и еще несколько головорезов с архипелага. Но в их отсутствие мы были королями мира.

Наше королевство простиралось от крохотного лесного ручейка до Саут-Бич – самого длинного пляжа острова, на юге, напротив пролива Хуан-де-Фука¹⁶, ведущего к водам Тихого океана и окаймленного зубчатыми горами. Пляжная полоса – километры выброшенных морем пней: самые недавние из севших на мель – цвета сливочного масла и пепельно-серые – более давнишние. Огромная территория от верхней части Мейн-стрит, где находятся поля для бейсбола, футбола и баскетбола, а также католическая церковь Святого Франциска, до паромной пристани возле маленького торгового центра на сваях, где среди прочих приткнулись лавочка, где торгуют сувенирами и шмотками с надписью «Гласс-Айленд», бар «Чистая вода, мороженое, рыба» и китайский ресторанчик. Наш мир тянулся вдоль длинной низкой береговой линии, где мы, когда были моложе, барахтались среди побулькивающих моллюсков, до зачарованного леса Криппен-парк, с его деревьями, изогнутыми в самых фантастических формах.

Наше королевство распространялось также на соседние острова, между которыми мы скользили в летнюю пору на своих ярко раскрашенных каяках. Простые серые валуны, ошетилившиеся елями, узкие заливы, искрящиеся под солнцем, земли более просторные, но необитаемые, где тропы, проделанные в высоких папоротниках, и леса ведут в бухты, не известные туристам.

Это было наше королевство, и мы были самыми лучшими друзьями на свете, неразлучными, единым целым, словно пальцы одной руки.

Мы – Чарли, Джонни, Наоми, Кайла и я – были неразлейвода по гроб жизни. По крайней мере, так мы тогда думали. Как я уже говорил, за исключением меня все они выросли на этом клочке суши, окруженном водой. У них здесь развилась особенная связь – нечто большее, чем просто чистая дружба, более глубокое, более интуитивное.

Более мистическое.

Как у животных, принадлежащих к одной стае.

Когда нам было лет по двенадцать-тринадцать, мы регулярно поднимались на вершину самой высокой скалы острова, Худ-Клифф, у подножия которой ревет прибой. Во время таких прогулок мы по очереди шли, повернувшись спиной к пропасти, закрыв глаза и вытянув руки перед собой. Остальные четверо стояли на краю бездны, сединив руки, чтобы образовать человеческую цепь. Они были единственной защитой, предохраняющей от бесконечного падения, которое неизбежно завершилось бы изломанным человеческим телом, разбитым о скалы. Когда спиной чувствовали соединенные руки, то останавливались. В ушах свистел ветер, сердце бешено стучало. Далеко, насколько хватало взгляда, простиралось море, усеянное островами. Внизу, в сотне километров отсюда, виднелись горы. Жуткое зрелище.

Было еще кое-что. Они называли это *крещением*.

Так и есть: речь действительно шла о таинстве. Не то чтобы мы тогда действительно знали смысл этого слова, но вот интуитивно священный характер этой церемонии дошел до нас там, в глубине лесов.

¹⁶ Этот пролив отделяет юг острова Ванкувер от северо-западной части штата Вашингтон (п-ов Олимпик).

В тот раз, когда был *окрещен я*, я плакал. Мне было тринадцать лет, не такой уж старый. Я плакал потому, что знал: действуя таким образом, они раскрывали мне самую тайную часть своего союза. Они демонстрировали мне самое большое доказательство доверия и любви, которое никогда бы не засвидетельствовали чужому. Они вместе выросли, были как стадные животные или рой насекомых. И вот этим обрядом они принимали меня в свой круг. Навсегда.

В самой церемонии не было ничего чересчур зрелищного. В тот день друзья шли впереди меня по лесной тропинке. И уже на берегу завязали мне глаза.

– Раздевайся, – хором сказали они.

– Что?

– Раздевайся, – мягко повторила Наоми.

– Не бойся, Генри, – раздался голос Кайлы. – Мы не смеемся над тобой.

– Никто не снимает тебя на видео, – пообещал Чарли. – Даю слово.

Я подчинился.

– И труссы тоже.

Поколебавшись, я стянул и их. Руки тряслись.

– Войди в воду.

Я сделал то, что они сказали. Спотыкаясь и неловко скользя на слишком гладкой и неровной гальке. Икры обожгло ледяной водой. Волоски на руках и ногах встали дыбом, будто металлические стружки под действием магнита. Я чувствовал себя уязвимым, смешным. Уже много лет никто не видел меня голым, даже Лив и Франс. Я чувствовал, как мой пенис съеживается от холода и стыда.

– Пройди еще вперед.

Я достиг места, где течение было очень слабым. А может, там и вовсе была стоячая вода, которая оказалась не такой холодной, даже почти теплой. Солнечные лучи гладили затылок и спину. По коже скользил теплый поток, вода доходила до пупка.

Кто-то стянул с моих глаз повязку. Они тоже были голыми. Стояли кружком вокруг меня.

Они приблизились по очереди.

– *Мне подобный, мой брат*, – сказал Джонни, обнимая меня.

– *Мне подобный, мой брат*, – сказал Чарли, обнимая меня.

– *Мне подобный, мой брат*, – сказала Кайла, обнимая меня.

– *Мне подобный, мой брат*, – сказала Наоми, обнимая меня.

Безусловно, каждое из объятий было чистым и невинным.

Однако в тот день я в нее влюбился. Увидев ее обнаженной в этой чистой воде, в середине лета, в самом сердце этого леса. Чувствуя, как ее нежная атласная кожа прикасается к моей, освеженная рекой, но согретая лучами солнца, пока ее влажные волосы стекают мне на плечо, о мою грудь бьется ее пульс, легкий, как птица, тыкаются кончики ее груди, как два бутона. Увидев, как она плывет, а затем отжимает свои черные волосы, скручивая их в жгут, с которого капает вода, ее яркие темные аметистовые глаза, взгляд которых прикован ко мне.

– Вот ты и наш, – проговорил Джонни, выходя из воды и обсушиваясь. – Ты только что был окрещен.

Даже Чарли, обычно не упускающий случая пройтись по поводу ханжей из Ист-Харбор, сегодня не отпустил ни одной шутки. Я никогда не видел его таким серьезным. Он улыбнулся мне. И точно таким же образом, как влюбился в Наоми, я почувствовал, что наша с ним дружба стала более крепкой и тесной, чем между остальными членами нашей компании.

* * *

Как ни странно, поводом для нашего сближения – Чарли, Джонни и меня – стали похороны. Раньше мы встречались в городе, на пляже и в школе, но для них я был чужаком:

тип, недавно приехавший с континента, воспитанный двумя матерями-лесбиянками, – иначе говоря, не пойми кто: то ли парень, то ли инопланетянин.

Все изменилось в день похорон Джареда Ларкина, точнее, во время поминок, проходивших в доме семейства Ларкинов. Джареду было двенадцать лет, как и нам. Он покончил с собой.

Его я тоже толком не знал. Он учился в нашем классе. Стеснительный, тощий, самой обычной внешности – девочки не обращали на него внимания. В школьном оркестре Джаред играл на трубе. Он был не из тех, кого выбирают в спортивную команду, – скорее наоборот. Сидя на скамье запасных, которая почти пуста, они покорно ждут, когда их наконец примут в игру, заставляя морщиться заносчивых лидеров команды: «О нет, мистер, только не он! Так нечестно, у нас в команде уже есть один слабак!»

Вечером он возвращался прямо домой и ни с кем не общался.

Позже все узнали, что Джаред был подвержен депрессиям. Когда я спросил у мамы Лив, что это означает, она ответила:

– Это болезнь разума, болезнь души – она лишает способности радоваться и вкуса к жизни.

Я еще уточнил, не заразно ли это. Джаред ведь уже предпринимал такую попытку. Отец как-то застал его неподвижно стоящим на краю пристани. Он был словно загипнотизирован бликами луны, мерцающим на бесконечной глади океана. И вдруг солдатиком шагнул прямо в воду. Отец на всей скорости ринулся к нему и нырнул следом. Да, тогда он его спас. Должно быть, это ужасно – понимать, что сражение проиграно заранее. Представьте себе, у вас есть маленький сын, которого вы обожаете и в то же время не знаете, как защитить его от грядущей беды...

Вторая попытка оказалась удачной.

Если верить Бри Уэстерсби, единственной подруге Джареда, он сделал вид, что уснул, дождался, пока родители тоже отправятся спать, а потом вылез в окно и спокойно отправился на пристань. Но откуда она это знала? Если и так, то на этом он не остановился, пошел до конца и – *плюх!*

В общем, в этот раз Джаред смог осуществить задуманное.

Кто знает, может, он лучше других ощущал несовершенство этого мира, постигнув раньше нас его суету и бессердечие? Может, он осознал раньше остальных, что своим эгоизмом мы сами себя приговорили?..

На поминках, состоявшихся после церемонии на кладбище, присутствовал весь класс Джареда. В какой-то момент я почувствовал, что с меня хватит. Учеников словно вырядили для участия в школьном спектакле, все были в туго затянутых черных галстуках. Взрослые не находили слов: мальчик сам свел счеты с жизнью в двенадцать лет. Лив и Франс в числе немногих стояли рядом с его родителями. Ощувив потребность в глотке свежего воздуха, я вышел из дома и медленно прошелся. Хотите верьте, хотите нет, но это был практически первый день весны, очень необычной весны, никогда еще ее не видели такой. Запахи цветов перемешивались с ароматом морского бриза, небо радовало безоблачностью. Природа возрождалась, пережив зиму, и я подумал: «Если б Ларкин выжил, у него было бы на несколько хороших дней больше». Знаю, это глупо, конечно, но мне было всего двенадцать.

Я пошел по боковой аллее между дощатыми стенами, выкрашенными в желтый цвет, и высоким деревянным забором. По ту сторону стрекотала газонокосилка. Я замер, увидев неподвижные качели, на которых, судя по всему, никто не качался и которые скоро заржавеют в бездействии. А еще мой взгляд упал на велосипед и баскетбольный мяч, брошенный возле пня, – *велик и мяч Джареда...* Потрясенный, я какое-то время внимательно смотрел на них сквозь пелену слез, а затем двинулся дальше. Дойдя до угла дома, где старая липа отбрасывала тень на желтую стену, остановился, услышав за спиной голоса.

– Бедняга Джаред, – сказал кто-то, кажется, мальчик из нашего класса.

– Кто бы мог подумать, что у него в голове такое, – сказал второй, и на этот раз я узнал гнусавый голос Чарли Сколника, который в том году тоже учился в моем классе.

– Как такое могло случиться? – вздохнула какая-то девочка. – Он ни с кем не общался.

– Ты хочешь сказать, никто не обращал на него внимания, – возразил Чарли. – Словно его и вовсе не существовало.

Затем наступила тишина, мимо меня в весеннем воздухе, напоенном свежестью и солнцем, проплыло немного сигаретного дыма, а затем Чарли снова заговорил:

– Вы обратили внимание? Пирсон даже на похороны не пришел.

– Может, он просто не любит похороны, – заметила девочка.

– Этот Пирсон – конченный ублюдок, – процедил Чарли.

Пирсон преподавал у нас иностранные языки, и я был целиком и полностью согласен с Чарли. Этот консервативный напыщенный фанатик однажды посоветовал мне читать что-то еще, помимо Стивена Кинга. Я знал, что у Пирсона вышла книга; в библиотеке школы хранились два экземпляра – возможно, единственные, которые издателю удалось пристроить. Она называлась «Возможно, это призраки исчезнувших городов», и я уверен, что это цитата из книги другого автора, так как человек такого рода в принципе не способен на оригинальную мысль.

– Сволочь он, я понял это с первого взгляда, – подтвердил первый парень.

– Что ты думаешь о Генри Уокере? – вдруг спросил Чарли Сколник.

Я затаил дыхание, сердце бешено застучало.

– Прикольный тип, – сказал его собеседник.

– *Он просто чудик*, – поправил Чарли, и я покраснел до ушей.

– Почему это?

– Этот чувак, – продолжил Чарли, – никогда не тянет руку, разве что учитель сам его спросит, но, черт подери, отвечает всегда хорошо. У него отличные отметки, хотя он ни к кому не подлизывается. Вы это заметили? Преподы считают, что ему все по фигу.

– Так это высший класс, – сказал первый парень, и я почувствовал, как меня распирает от гордости.

– Он ничего так, – признала девочка, и мое сердце чуть не выскочило из груди.

– Надо бы с ним поговорить, – заметил Чарли. – Предложить куда-нибудь сходить с нами, например в лес, посмотреть на него... Что вы об этом думаете?

– А это не у него мамашки лесбиянки? – поинтересовался первый.

– И что? – озадаченно спросила девочка.

Тишина.

– То, что стряслось с Ларкином, заставило меня призадуматься, – грустно вздохнул Чарли. – Что мы о нем знали? Может, если б у него были друзья, как у нас, если б он не был так одинок и мог с кем-то поговорить, такого не произошло бы. – Последовала пауза. – Нет, серьезно, я не хочу еще одного самоубийства на этом острове неудачников.

– Пригласи его к себе на днеху, это как раз через две недели, – предложила девочка. – Вот и посмотришь.

Я услышал, что они засобирались, и по-быстрому удрал. Вот так я получил первое приглашение на день рождения за последние два с половиной года.

* * *

– Тебе нравится эта музыка?

Из динамиков будто текла река расплавленного металла, лился грубый поток язвительных насмешливых голосов и гитарных аккордов.

– Еще бы! – сказал я. – А что это?

– «Нирвана».

Он протянул мне два альбома – не аудиодиски и даже не МРЗ, а *винил*... На первой обложке был изображен младенец-пловец, пытающийся схватить банкноту, плавающую в бассейне, на второй – изящная женская статуя с крыльями ангела, разве что у нее были видны кости, вены и кишки. Чертовски красиво.

– У меня в комнате есть афиши фильмов ужасов, – сказал я.

Мы сидели в углу дивана прямо перед динамиками; на дне рождения собралось меньше народу, чем я ожидал, но полдюжины парней и столько же девочек тут точно были.

– На стенах?

– Ну да.

– Что за фильмы?

Я перечислил добрый десяток и увидел, как глаза у него загорелись.

– Так много! Вот черт! Они большие?

– И это еще не всё... Вот такие, – ответил я, разводя руки.

– А еще какие?

– Старые фильмы: «Дракула», «Франкенштейн», «Восставший из ада», «Кэндимен»...

– Двух последних не знаю, но звучит круто. Они что, прямо на стенах? Повсюду? Не врешь? Ну вообще!

– И на двери тоже.

– Ну и ну! Просто с ума сойти! Афиши «Пилы» и «Хостела»... Да мать меня просто убила бы, если б я такое повесил у себя в комнате! Твои... э... твои *мамы* прикольные, скажу я тебе! Послушай, а можно посмотреть? В смысле твою комнату, не маму... Тебя это не напряжет? Мне бы хотелось все это увидеть.

– Без проблем.

– Супер. Если б я знал, что в Ист-Харбор есть музей фильмов ужасов, я бы тебя еще раньше пригласил!

Он засмеялся. Я тоже. Вот так все и началось.

* * *

– У тебя есть какие-нибудь новости о Наоми? – спросил Чарли, сидя в моей машине.

Я отрицательно мотнул головой.

– У меня тоже нет.

Спускаясь по Мейн-стрит, которая едва проснулась, мы оба хранили молчание. Приблизившись к порту, я свернул на Первую улицу, чтобы въехать на парковку у причала.

* * *

Каждое утро обитатели острова совершают один и тот же ритуал. Мы занимаем очередь на паром. Задолго до того, как на входе в залив покажется приземистый силуэт морского парома. Он может вместить только сорок машин, и никто не хочет ждать следующего. Те, кто живет рядом, даже оставляют ключи в зажигании и бегут домой, чтобы позавтракать.

Ее здесь не было...

Заезжая на парковку, я одновременно с этим машинально отмечал детали. Что-то было обычным, а что-то – нет.

1. Из школьного автобуса выходят ученики с сумками через плечо и, громко болтая, направляются к пешеходному мостику – как и каждое утро.

2. Отец Малкольма Бэрринджера в желтом жилете. Этот пьяница готовится заступить на свой пост регулировщика – как и каждое утро.

3. Какой-то высокий седой тип, одетый в черное, кидает монетку в газетный автомат перед баром «Чистая вода, мороженое, рыба» («*Звоните и делайте заказ в нашем баре, 425-347-9823*»), а затем возвращается к своей шестиместной «Краун Виктории» цвета «серый металл» с «Сиэтл таймс» и «Айленд саундер» в руке. Он не местный, но я вижу его здесь и в это время по меньшей мере уже третий раз за текущую неделю.

4. Наоми на парковке нет

* * *

А вот Кайла и Джонни уже были на месте, в старом пикапе «Дж-эм-си», поеденном ржавчиной. Освещенный со всех сторон паром уже извергал поток мертвенно-белых фар машин, прибывших с континента, а три очереди машин ждут своей очереди, чтобы занять их место. Большинство хозяев выходили на улицу, чтобы сгонять выпить кофе, но сейчас садились за руль со стаканчиком в руке и заводили моторы. Туман не рассеялся, темнота только начала бледнеть, так что контуры холмов вокруг залива и склоны, покрытые елями, едва угадывались.

Где же Наоми?

Я устроил себе мозговой штурм. Когда-то она тайком встречалась с Нэтом Хардингом, своим преподам по драматическому искусству. Сорокалетний тип, всегда одетый с иголочки. Ходили слухи, что он приударял за всеми *симпатичными* телочками, посещавшими его занятия. А может, она спит с каким-нибудь женатиком? Может, это Мэтт Брукс? Рыболов, выскочка, бегун и скандалист. Все жители острова в курсе, что он спит с женой аптекаря, которая вызывает его, когда сама работает в аптеке, и у которой куда больше дипломов, чем у мужа.

Или, что еще хуже, Наоми связалась с этим засранцем Шейном. Перед моим внутренним взором предстала невыносимая картина. *Наоми целуется с Шейном... прижимается к нему... занимается с ним любовью...* Прошлым летом Шейн подошел к Наоми поболтать, когда мы тусовались на пляже. Он был в одних плавках. Уже тогда у него было тело взрослого мужчины. Подкачанный пресс, спина, бедра... Рядом с ним я особенно остро ощутил свою худобу. Они шутили и смеялись, слегка касаясь друг друга, пальцы их ног съезживались из-за обжигающего песка. От ревности я едва не совершил глупость, хотя это было бы чистой воды самоубийство... Картинки сменялись, как слайды. Буквально на секунду я ощутил странное удовольствие от страдания, которое они мне причиняли.

Когда машины перед нами уже тронулись с места, я схватил мобильник, чтобы позвонить Джонни.

– Какого черта ты делаешь? – поинтересовался Чарли.

Мы уже поднимались на борт, направляемые работниками в желтых жилетах, когда мне ответили. Это была Кайла.

– Генри?

Всякий раз, когда она обращалась ко мне, в ее чуть хрипловатом чувственном голосе звучала мягкость, словно подразумевающая приглашение. И я отчетливо помню ту ночь, когда в темном лесу, пьяная в хлам, она приклеила губы к моему рту и с силой засунула туда язык, а ведь Наоми и Джонни были всего в нескольких метрах. Кайла была красоткой. Красивее многих, в том числе и самой Наоми. Ни один парень на острове, кроме меня, не смог бы остаться безучастным к ее рыжей шевелюре и темным бровям взлет над огромными зелеными глазами. Я уж не говорю про идеальные пропорции ее гибкого тела с тонкой талией и роскошной грудью. В этом плане она оставила далеко позади всех остальных девчонок.

– Не знаешь, где Наоми? – спросил я.

Несмотря на все усилия, в моем голосе проскользнула тревога.

– Нет, я думала, об этом знаешь *ты*...

– Она... тебе звонила?

Молчание.

– Нет.

– Кайла, она тебе что-нибудь говорила... о нас?

Тишина.

– Генри... мне очень жаль... она просила тебе не рассказывать.

– Черт, Кайла!

– Она взяла с меня слово...

– У нее свидание, да?

– Генри...

– Поэтому ее и нет?

– Генри, прошу тебя.

– У нее... у нее есть кто-то другой?

– Я об этом ничего не знаю.

– Кайла, ну в самом-то деле!

– Слушай. Я пообещала...

– У нее есть кто-то другой?

– Генри, я...

– Просто скажи мне это, Кайла.

– Не знаю... – После некоторого колебания она продолжила: – *Все, что мне известно, – она хотела с тобой порвать... вот.*

Внезапно мне показалось, что вся моя вселенная разлетелась вдребезги. Я остался сидеть в полной прострации, положив руки на руль. Чарли же был снаружи, на палубе. Я смотрел сквозь ветровое стекло на машины, скопившиеся в продуваемых ветром проходах парома, но видел перед собой только Наоми.

* * *

В первый раз мы сделали это летом 2011-го. Второе самое жаркое лето за всю историю Соединенных Штатов и самое жаркое за семьдесят пять лет. В сорока шести из сорока восьми штатов температура августа была гораздо выше средней. Единственные исключения – Орегон и штат Вашингтон. Наоми никогда не была такой красивой, как тем летом. Она много плавала, ходила под парусом со стороны Кресент-Харбор, и физические упражнения сделали ее фигурку крепкой и точеной, а солнечные лучи позолотили кожу, и так загорелую от природы. В то лето Джонни и Кайла тоже начали встречаться, и у них кипели страсти. Эти двое никогда не упускали возможности уединиться. Чарли же каждый день помогал родителям в магазине «Кен & Гриль».

Таким образом, мы часто оставались одни – Наоми и я – в течение долгих июля и августа, хотя у обоих была летняя работа на неполный день. Нам частенько приходилось поздно возвращаться. Ее мать, как и обе мои, не особенно докапывались, поскольку часть дня мы работали, и вообще это было лето. Во время каникул дул ветер свободы, и этим настроением заражались даже родители. Климат ненадолго смягчался, над волнами разносились песни, хмельные вечера затягивались, а в окружающем мире наблюдалось легкое затишье.

Это произошло за два дня до Дня труда¹⁷ и окончания каникул.

Вечером, когда из-за сильной грозы мы прятались под густыми ветвями ели в глубине пустынного пляжа. В насыпи между корнями и нижними ветками было углубление, где байда-

¹⁷ Национальный праздник в США, отмечается в первый понедельник сентября.

рочки хранили свои лодки. Уютное и незаметное место, почти невидимое с пляжа. Нора с сухим мхом и песком под колючим сводом. Может, все дело было в атмосфере, характерной для конца каникул? В чувстве ностальгии? Скоро нам предстояло вернуться в лицей и в неизвестность. Здесь мы это и сделали, в нескольких метрах от гроздей голубых мидий, ракушек и морских звезд – пленниц луж, оставленных приливом. Я помню теплый летний дождь, стекающий на ее лицо и грудь, когда она задрала футболку, чистую воду на губах, приступы дрожи, промокшие плавки и свое возбуждение. В то лето я читал «Изгнание ангелов»¹⁸, «Меньше, чем ноль»¹⁹ и «Сексус»²⁰.

Мне было четырнадцать.

* * *

Я вышел из «Форда» и с дикими глазами проскользнул между рядами машин, чтобы последовать за Чарли на лестницу. Добравшись до верха, мы направились к нашему обычному столику – тому, что находится подальше от бара с его дешевым кофе и супом из моллюсков, один запах которого отпугнет самого оголодавшего путешественника. Когда его наливают в большой контейнер, можно решить, что это блевотина тех, кого вчера мучила морская болезнь. Усевшись на банкетку, я бросил яростный взгляд на Кайлу, которая со смущенным видом отвернулась к окну.

Затем каждый притворился, будто погружен в свои дела. Джонни и Кайла пытались спешно повторить материал, словно их действительно беспокоила учеба, Чарли досыпал, закрыв голову руками. Я же думал только об одном.

Наконец именно Чарли приоткрыл глаза и спросил:

– Вам не кажется странным, что ее здесь сейчас нет?

Все знали, что само понятие прогула так же чуждо Наоми, как гуманность – талибам. Наоми всегда относилась к учебе гораздо серьезнее, чем все мы, вместе взятые. Она была не из тех, кто, по выражению Чарли, «лизет задницу преподавателю так усердно, что когда тот высовывает язык, задаешься вопросом, чей он». И при этом она была круглой отличницей. Мы с ней очень различались. Из Наоми энергия была ключом. Общительная, харизматичная, активная, она была прирожденным лидером. Я был более сдержанным, менее склонным доверять окружающим и не очень-то одержимым стадным чувством. Но что она, что я – мы неизменно занимали первые строчки в списке лучших. Наоми любила громкие фразы и звучные слова, такие как «революция», «гражданское неповиновение», «сопротивление», «тоталитаризм», «теньевая власть». Она любила рассуждать о переустройстве мира вместе с Чарли, Кайлой и парой-тройкой других учеников, всегда готовых подхватить знамя утопии, упавшее в пыль. Я же слушал их, время от времени издавая «гм-гм» или осторожное «о!», и видел в них закоренелых донкихотов, салонных революционеров, лишенных чувства реальности. Если бы им доверили бразды правления страной, они меньше чем за неделю поставили бы ее на колени.

– Верно, – кивнула Кайла. – Мне это кажется очень странным. Генри, о чем вы вчера вечером говорили на пароме?

Я поколебался.

– Она сказала, что хочет сделать паузу в наших отношениях.

– И как ты отреагировал?

– Я... я слегка расстроился.

– Как это выглядело?

¹⁸ Мистический триллер современного французского писателя Жиля Легардинье.

¹⁹ Дебютный роман Эллис Брет Истон, глашатая «поколения Икс».

²⁰ Интеллектуально-эротический роман Генри Миллера.

– Что? В самом-то деле, Кайла, а как это могло выглядеть?! Мы накричали друг на друга, вот и всё. Затем она расплакалась и ушла.

Я не стал уточнять, что был миг, когда она едва не свалилась за борт.

– О ней кто-нибудь слышал с того момента? – спросил Чарли.

Новостей ни у кого не было.

* * *

Погруженный в свои мысли, я повернул голову – и увидел его. Высокого мужчину, облокотившегося на барную стойку.

Человек с парковки.

На этот раз я был полностью уверен: он за нами наблюдал. Когда я поднял глаза, он отвел взгляд. В свою очередь я некоторое время смотрел на него, пока он пил кофе. Ростом под два метра, с выправкой бывшего военного или полицейского, темная одежда. Голова, посаженная на мощную шею, была несколько вытянутой. Даже с такого расстояния я мог угадать под его пальто тело атлетического сложения. *Профессионал* – но в чем?

Знаю, смешно.

Паранойя в чистом виде, вот что это такое. Впрочем, неудивительно, если учесть нервное состояние, вызванное воспоминанием о прошедшей ночи.

Я ощутил приступ тошноты и, поднявшись, направился к туалетам. Стоя перед отвратительным унитазом, я не мог двинуться с места. Мне хотелось биться головой о перегородки, выть, умолять, лупить кулаками. Конечно, ничего такого я не сделал. Удовлетворился тем, что помочился в унитаз и, выходя, заметил рядом с умывальниками контейнер для использованных шприцов. Мне всегда было интересно, кто им пользуется – диабетики или наркоманы.

Затем склонился над умывальником, чтобы помыть руки, и взгляделся в свое отражение в зеркале. *Я не люблю себя.* Не люблю свою рожу, хотя знаю, что она по вкусу множеству девочек в школе. Не люблю свою внешность. Мне хотелось бы быть похожим на Микки Рурка в фильме «Бойцовая рыбка» – до пластических операций – или на Стива Маккуина в «Детективе Буллите». А вместо этого я похож на какого-то придурка недоделанного... К тому же сегодня я жутко выглядел. Как человек, который не на шутку напуган.

Как кто-то, кому до ужаса хреново.

Наоми, о нет, Наоми, прошу тебя, не поступай так со мной, пожалуйста, не поступай так со мной.

Мои веки покраснели и опухли, как будто я плакал, хотя на самом деле такого не было.

Выходя из туалета, я едва в него не врезался.

В того высокого типа в черном.

Он стоял перед дверью. Неподвижно. Как будто рассматривал носки своих ботинок.

– Извините, – сказал я, так незнакомец перегоразивал мне проход.

Он поднял на меня взгляд. И тут я испытал настоящий шок. В сумерках его карие глаза сверкали неумным любопытством. Неоновые лампы внутри парома не горели, повсюду царил полумрак, а в иллюминаторах можно было увидеть лишь густой туман. Лицо мужчины оказалось против света. Он был выше меня по меньшей мере на голову: прямо деревянный божок или статуя с острова Пасхи. Примерно секунду он смотрел на меня.

Взгляд невероятной напряженности, почти гипнотический.

Незнакомец улыбнулся.

Скажем так: его узкие губы растянулись в гримасе, отдаленно напоминающей улыбку. Затем эта улыбка потухла и застыла, как вчерашний соус.

В это самое мгновение я и осознал с абсолютной точностью, что он здесь не случайно.

4. Старшая школа «Пенси»

Первая пара – алгебра – показалась мне долгой, вторая – морская биология – бесконечной. Казалось, каждая минута не спеша просачивается сквозь фильтр. Я нарушил правила, запрещающие пользоваться на территории школы не только мобильниками, но и планшетами, плеерами и прочими гаджетами, за исключением стационарных компьютеров, предоставленных в распоряжение учащихся фондом Билла и Мелинды Гейтс²¹, – и мой телефон засветился в глубине кармана. Но по-прежнему безнадежно молчал. Я не услышал ничего из того, что говорил Сэм Брискер, которого ученики прозвали Спрутом. Хотя обычно ему удается увлечь меня даже на первой паре, когда я почти сплю, своими рассказами о косатках, семге, крабах, морских анемонах, китах, голожаберниках и прочих невероятных созданиях, населяющих воды Тихого океана и тем самым доказывающих, что по сравнению с леди Природой у Дж. Р. Р. Толкина было довольно хилое воображение. Спрут – бородатый тип в круглых очках, настоящая карикатура на океанографа – обладает отличным чувством юмора и талантом шоумена. Однажды он заявился в класс с большим осьминогом в аквариуме. Для эксперимента ему понадобился подопытный кролик, и, разумеется, он выбрал Шейна. Похоже, у Брискера было шестое чувство. Шейн – парень крутой, но до смерти боится морских тварей, особенно осьминогов.

Но о том, чтобы перед всем классом прослыть трусом, не могло быть и речи. Шейн взял себя в руки и отважно шагнул к столу Брискера, где стоял и аквариум, благоразумно не глядя на девятидесятисантиметрового осьминога, находящегося внутри.

– Осьминог – существо, обладающее замечательными умственными способностями, – начал Брискер. – После дельфина и кита это самый хитрый обитатель океана...

Научный факт, доказывающий, что липкая субстанция на восьми щупальцах отличается завидным умом, судя по всему, не успокоил Шейна. Брискер взял из ведра селедку и протянул ему, держа ее за хвост:

– Дай-ка это осьминогу.

Я заметил гримасу на лице Кьюзика. Внезапно оно стало цвета свернувшегося молока. Он схватил селедку с таким видом, словно это был радиоактивный плутоний, и повернулся к аквариуму. Не знаю, видели ли вы на близком расстоянии рот осьминога. На самом деле это не рот, а нечто вроде попугайского клюва, способного расколоть мидию. Этот самый клюв и сожрал селедку.

– Вот дерьмо, – произнес Шейн бесцветным голосом.

– Теперь положи руку на край аквариума, – приказал Брискер.

Стало так тихо, что, казалось, пролети муха, и будет слышно. Десять бесконечных секунд Шейн колебался, но все же подчинился. Над краем аквариума появилось змеевидное щупальце и нежно обернулось вокруг его запястья, будто очень мягкий браслет часов. Шейн позеленел. Брискер представил их друг другу:

– Брэд, вот Шейн... Шейн, познакомься с Брэдом. Поздоровайся с ним, ты совершенно ничем не рискуешь.

– Мистер... – едва слышно простонал Шейн умоляющим голосом, которого я раньше от него никогда не слышал.

Брискер посмотрел на него маленькими прищуренными глазами сквозь стекла очков и кивнул.

– Поаплодируем Шейну, – подытожил он. – И поаплодируем Брэду! Ты можешь вернуться на место.

²¹ Крупнейший в мире благотворительный фонд.

Шейн не стал сердиться на него: парни обожают Брискера, девчонки считают его *жутковатым, странным* или *отвратительным*. Обычно урок по морской биологии – один из моих любимых. Причина, по которой я их люблю, противоположна той, что вызывает у меня любовь к фильмам ужасов. В мире Брискера каждая вещь имеет свое место, там все упорядочено – хаос реального мира остается за пределами класса. Но в тот день меня ничего не трогало. Я бы остался безучастным, даже если б он заявил, что всю ночь сражался с белой акулой. Я постоянно поглядывал на дверь, в надежде, что Наоми появится и как-то объяснит свое опоздание, но ее место оставалось пустым.

Когда в 10.30 раздался звонок, я поспешил выйти из класса во двор. В сотый раз я послал эсэмэску: «*Ты где?*»

Затем вторую: «*Здесь все беспокоятся, позвони хотя бы Кайле*».

Затем, поколебавшись, третью: «*Я люблю тебя*».

Стоя поодаль и прислонившись к стволу дерева, я снова убрал телефон в карман, карауля слабую вибрацию на бедре, которая означала бы, что пришел ответ. Но телефон оставался безмолвным, как камень.

Вдруг в холле поднялась суматоха. Я увидел, как все там начали говорить и жестикулировать. Я услышал возгласы и спрашивал себя, что там происходит, пока Чарли и Джонни не отделились от толчеи и не направились прямехонько ко мне. Даже сквозь туман я разглядел тревожное выражение лица Чарли. Джонни выглядел так же. Чем ближе они подходили, тем более отчетливо я видел огонек беспокойства в их взглядах и начал всерьез волноваться. Подойдя ко мне, Чарли вынул из рюкзака свой сенсорный планшет и протянул мне:

– Посмотри на это!

Я вздрогнул. В его голосе явно слышалась паника. Я поднял взгляд на полусферическую видеокамеру, наблюдающую за кампусом. С начала года ко мне уже дважды привязывались: один раз за то, что катался на скейте по аллее (скейты на территории школы запрещены, как и планшеты и мобильники), другой – за то, что играл в компьютерную игру в классе. Но сейчас это меня не остановило.

– Что там у тебя?

Чарли сунул планшет прямо мне в лицо.

В глаза бросился заголовок и первые строки статьи.

Подозрительная смерть на Гласс-Айленд

Несчастный случай или преступление?

Тело молодой женщины обнаружено на пляже острова.

Онлайн-издания таких газет, как «Сиэтл таймс», «Анакортес ньюс», «Островитянин Сан-Хуан»...

– Она пришла? – спросил Чарли. – Наоми здесь?

В этом году мы с Наоми оказались в одном классе, а Чарли, Кайла и Джонни – в другом. Правда, сидели мы с Наоми не вместе. Она – с одной из сестер Парди, я – с мальчиком по имени Кайл.

Я отрицательно помотал головой. Мои внутренности разом потяжелели, а центр тяжести сместился к яичкам. Мне пришлось опереться о ствол.

– Что случилось? Срань господняя, что же случилось-то?! – спросил Чарли таким ломающимся, визгливым голосом, словно у него снова начался период полового созревания.

Я вырвал планшет у друга из рук и пробежал глазами остаток статьи, которая в остальном оказалась короткой, полной недосказанности и вопросительных знаков.

Этим утром полиция Гласс-Айленд нашла на одном из пляжей безжизненное тело. Согласно некоторым источникам, речь идет о семнадцатилетней девушке, но кто она, нам не сообщили. Тело было обнаружено жителем острова, который выгуливал свою собаку. Первые

результаты осмотра позволяют утверждать, что жертва утонула, но пока невозможно сказать, стало ли это результатом несчастного случая. В настоящее время служба шерифа воздерживается от любых комментариев, а доступ на пляж закрыт. Шерифом Крюгером были запрошены патрульная служба штата Вашингтон и служба судебно-медицинской экспертизы округа Снохомши.

Меня охватило ужасное предчувствие. Не оставив мне ни сил, ни храбрости.

– Наоми.

Я увидел, как лицо Чарли будто разламывается на множество кусков.

– О нет! Нет-нет-нет, Генри, что ты такое говоришь!.. Неужели ты думаешь...

– Она не опоздала... она не... она не пришла...

– Это совпадение, – жалобным голосом выдавил Джонни. – Это совпадение, точно говорю...

– Ну да, конечно, особенно если учесть, что мне не удастся с ней связаться...

– Мне тоже, – добавил Чарли странным голосом. – Нет-нет-нет, только не это! Черт, как же мне страшно!

Он схватил себя за волосы и, сложившись вдвое, принялся гримасничать.

Я смотрел на Чарли. Мне было до чертиков, смертельно страшно. Ее уже повсюду искали – безрезультатно.

– Она обратилась к кому-то с просьбой подкинуть ее, – подвел итог Чарли. – Но никто из нас не видел, как она спускалась с парома...

Примерно секунду мы молчали, погруженные в свои мысли.

Я вынул мобильник, посмотрел, который сейчас час. Я наизусть знал расписание паромов: как раз ближайший отправляется на Гласс-Айленд через семь минут. Не тратя времени даром, я рванул через лужайки к парковке.

– Генри! – заорали у меня за спиной.

Затем я услышал, как друзья, в свою очередь, сорвались в спринтерский забег. Я не обернулся. Прозвучал звонок, означающий конец перемены.

– Паром через шесть минут! – бросил я, обрушиваясь на водительское сиденье, пока они вваливались в салон машины.

Мы на полной скорости выехали с территории школы и помчались вдоль Скул-роуд, миновали среднюю школу «Пенси», проскочили вдоль взлетной полосы аэродрома, затем повернули направо напротив маленького порта для парусных лодок. Не сбавляя скорости, снова поднялись по Кресент-Бич-драйв и буквально ворвались на парковку у парома. Последняя машина уже была на борту, и собирались тянуть цепь.

Я устремился прямо туда.

– Эй! – заорал работник в желтом жилете, пытаясь помешать нам. – Да вы совсем ненормальные! Закрыто, не видите, что ли? Подождите следующего, это же не так долго!

Я приоткрыл дверцу и высунул голову наружу:

– Умоляю вас, сэр! Мою маму только что сбила машина! Ее увезли в клинику! Возможно, это последний шанс ее увидеть! Я вас очень прошу! Я безумно тороплюсь!

Работник подозрительно посмотрел на нас через ветровое стекло. Судя по всему, он пытался понять, издеваются над ним или же то, что ему сказали, – чистая правда. Заметив вытянутые лица моих спутников, он отправился на переговоры к своему сотруднику на передней палубе. Тот еще не поднял сходни.

Нам сделали знак заезжать.

* * *

Я вышел подышать воздухом на палубу, мокрую от мелкого дождя, делавшего море белым и сверкающим, будто хром. Туман уже рассеялся, но дождем заволакивало силуэты ближайших островов, склоны которых, поросшие елями, почти вертикально уходили в море. На мгновение, вынимая телефон, я услышал жужжание, заглушаемое шумом дождя и машин. Я поднял голову. Гидросамолет. На кабине эмблема патрульной службы штата. Он летел низко над морем слева от нас, ясно различимый на фоне темного пушистого леса, который мы проплывали. Он обогнал нас, затем его крылья наклонились, он заложил вираж и быстро исчез между двух островов, увенчанных тучами. Острова, мысы, бухты, проливы и скалы скользили, чередуясь, мимо парома.

Я вернулся внутрь.

Снова ожидание.

Снова тревога.

Чарли подключился к вай-фаю парома и вышел в Интернет со своего планшета в поисках дополнительных новостей, но несмотря на то, что две онлайн-газеты перепостили информацию, ни одна из них не опубликовала ничего нового. Наконец я набрал еще один номер.

– Лив Майерс, – ответил сдержанный и властный женский голос.

– Мама? Это я...

– Генри, что происходит? Разве сейчас ты не должен быть в школе?

Я поколебался, думая, как представить ей положение дел, а потом заговорил о газетной статье и отсутствии Наоми в классе, благополучно опустив эпизод, который произошел накануне.

– Послушай, Генри, это всего лишь совпадение, ты создаешь проблему на пустом месте, – успокаивающе проговорила мама Лив. – Что ты себя накручиваешь? На Агат-Бич действительно нашли труп? Какой ужас!

– Не могла бы ты хотя бы попытаться связаться с шерифом или позвонить матери Наоми? – попросил я.

Даже сейчас не понимаю, как мне удалось не позволить ужасу одержать надо мной верх.

– И что я им скажу? – уточнила мама Лив.

– Не знаю... что хочешь...

– Договорились, но уверяю тебя, ты напрасно волнуешься. Я посмотрю, что смогу сделать, хорошо? – Должно быть, она взглянула на часы, так как затем добавила: – Но разве сейчас ты не должен быть на уроке? Перемена, которая началась в пол-одиннадцатого, уже давно закончилась.

– Я в туалете, мама.

– Так вот что это за шум... Генри, я этим займусь! Но очень тебя прошу, сейчас же вернись в класс.

– Хорошо, мам. Пошли мне эсэмэску, я оставлю телефон включенным.

– А разве это разрешено?

Не ответив, я разъединил вызов. Одновременно Чарли удалось связаться по скайпу с братом.

– Он сказал, что сейчас не может со мной говорить, – раздраженно объявил он. – Вот ведь урод!

Старший брат Чарли, Ник, уже почти год работал заместителем шерифа. Своего брата Чарли ненавидел, тот отвечал ему взаимностью. Я видел, что мой лучший друг буквально позеленел.

– Чарли, что именно он тебе сказал? Как при этом выглядел? *Чарли!*

Чарли бросил на меня тревожный взгляд, полный отчаяния:

– У него изменился голос, когда я заговорил о Наоми. Генри, я... у меня плохое предчувствие.

* * *

Когда мы вошли в залив, завеса дождя уплотнилась, и сквозь ливень к парому начал быстро приближаться наш остров – черный, гористый и увенчанный елями, будто мать-детоубийца, встречающая своих детей. Две самые высокие вершины острова – Маунт-Гарднер и Аподака-маунтин – уходили в тучи цвета сажи. Когда мы подошли к складу на парковке, дождь обрушился на ветровое стекло с такой силой, будто кто-то открыл кран. Когда мы пересекали город, красный злобный глаз светофора велел мне остановиться. Преодолев яростное желание двигаться вперед – чтоб ему пусто было! – я подчинился, так как справа от меня встал грузовик с газированными напитками, с включенными фарами ближнего света. За ним следовала полицейская машина, которая включила сирену, чтобы его обогнать. Обе машины казались окутанными туманом из-за отскакивающих от корпусов мельчайших капелек. Я резко затормозил. Затем, снова тронувшись с места, взял вправо вверх по Мейн-стрит, потом, чуть быстрее, – по затопленной Юрика-стрит, после чего решительно ворвался на Миллер-роуд, а потом в лес.

– Черт, Генри, ПОЛЕГЧЕ! – взывал Чарли, когда мы пропустили поворот.

На заднем сиденье Джонни цеплялся за все, что попадалось под руку. Мы проехали мимо богатых особняков Игл-Клифф – большинство из них сейчас было закрыто. В этой северной части острова леса особенно густые: ели Дугласа, кедровые сосны и большие красные кедры здесь выше, гуще и растут плотнее друг к другу. Над нашими головами они образовывали полог, который почти скрывал обложенное тучами небо. Подлесок был устлан мхом. От тепла нашего дыхания запотевали окна. Пришла эсэмэска, и я просмотрел ее, продолжая вести машину.

Не смогла связаться с матерью Наоми, служба шерифа отказывается что-либо объяснить. Что происходит? Ты где?

Сжав зубы, я бросил свой телефон на приборную доску, когда тот снова завибрировал.

Генри Уокер, где вы? Где ваши товарищи Сколник и Дельмор? У вас все хорошо? Ловизек

Ловизек – директор школы. Должно быть, миссис Гизингер, преподавательница английского, сообщила о моем отсутствии. Это же касалось Чарли и Джонни.

– Генри, – вдруг бросил Чарли.

Я переключил внимание на дорогу, вглядываясь в даль через возню «дворников». Прямо перед нами между деревьями мелькали проблески света на уровне парковки, на которую выходила дорога с Агат-Бич. Машины полицейских цветов – они и отбрасывали отблески – и неприметные легковушки. Была еще и машина «Скорой помощи». Мое сердце забило сильнее.

5. Банановый слизень

Я смотрел на «Скорую». Паника, будто цемент, заливала все части моего тела и быстро густела там, пока кто-то – Джонни или Чарли – не положил мне руку на плечо, что встряхнуло меня и помогло собраться с силами. Я чувствовал барабанившие по черепу капли воды – крупные, как монеты. Внутри его нарастало гудение на низкой частоте, между сорока и сотней герц.

Я пересек дорогу вслепую по направлению к тропинке, спускающейся к пляжу. Эта тропинка идет вдоль лестницы для подъема рыбы²² и образует северную границу Криппен-парка. Ее длина метров триста. Вначале заасфальтированная, она затем переходит в земляную дорогу, которая оканчивается пятидесятиметровой песчаной тропинкой.

Под промокшими деревьями основание тропинки кишело зеваками, зонтиками, заместителями шерифа в дождевиках, а также агентами вашингтонской патрульной службы в форме и в штатском, среди которых, без сомнения, был атторни²³ и, может быть, коронер²⁴ или медицинский эксперт, прибывший из соседнего округа Снохомиш. Вот так здесь это происходит: на островах нет ни морга, ни отделения судебно-медицинской экспертизы.

Еще здесь было много журналистов, сразу узнаваемых по камерам и микрофонам, которые те совали всем в лицо. Мое появление осталось незамеченным; Чарли и Джонни следовали у меня в кильватере, будто мы очутились на праздничной ярмарке.

Чуть ниже была протянута лента, означающая, что проход запрещен, – как раз в том месте, где узкая асфальтированная дорога становится тропинкой. Перед ней столпились любопытные зрители. За ними присматривал Доминик Сильвестри – один из заместителей Бернда Крюгера, шерифа Гласс-Айленд. Я оказался прямо перед ним. Должно быть, белый как мел, промокший, дрожащий и пошатывающийся. Но Сильвестри едва обратил на это внимание – у него было полно других забот, помимо шестнадцатилетнего подростка. Ему приходилось следить за толпой зевак, особенно за журналистами.

– *Заместитель, заместитель!* – выкрикнул я, убирая с глаз прядь волос, приклеенную дождем. – Кто это? Кого там нашли?

Наконец он на меня посмотрел. Его лицо словно разом посерело.

– Мм... э... привет, Генри... Мне очень жаль, но я... не имею права говорить, понимаешь? Пожалуйста, не загораживай дорогу...

– Это Наоми? – спросил я. – Это она?

Мне в рот словно насыпали толченого стекла. Сильвестри и сам выглядел так, будто только что получил в нос. Пару секунд он смотрел на меня из-под козырька, с которого капала вода.

– Я не имею права говорить, извини, – сказал он с искренним раскаянием в голосе.

Голос у него был печальный, это я хорошо слышал. Даже слишком печальный. Как я уже говорил, здесь все друг друга знают. Я понял, что Сильвестри намеренно не замечал меня, когда я пытался привлечь его внимание, – он предвидел мои вопросы, отвечать на которые не имел никакого желания. В голове у меня помутилось. Работая локтями, я оттолкнул одного за другим несколько человек, стоящих вдоль ленты. Краем глаза я наблюдал за Сильвестри, который также следил за мной. Когда он слегка отвлекся, я согнулся вдвое и скользнул под ленту. На этот раз движение не прошло незамеченным.

– Эй, Генри! Ты куда? **ВЕРНИСЬ!**

²² Лестница для подъема рыбы – сооружение, обеспечивающее рыбе свободный проход к месту нереста на трудных для прохода водных участках (водопады, пороги).

²³ Государственный обвинитель (прокурор) в США.

²⁴ Должностное лицо, расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства.

Но было уже поздно.

– *Стой!*

Я мчался по тропинке, выдвинув вперед опущенную голову и плечи, словно футболист, петляющий между игроками команды соперника, которые выскочили навстречу, на перехват. Я со всех ног бежал вниз по тропинке, затем направился к лесу. Крики за спиной становились все громче – крики стаи, бросившейся по моим следам.

Вверху шумел дождь – очень тихо, почти успокаивающе, во все более густеющей листве, напитывающейся чистой водой. Влажный лес сверкал – каждая верхушка дерева, каждая ветка, каждый лист и шип – шелковистым отблеском, несмотря на недостаток света. Этот лес был не совсем обычный – это *палеотропический* лес. Гигантские деревья, которые местами достигали пятидесяти метров в высоту, лишали света нижнее царство. Под такой кроной все было в тени и тишине. В этом зеленом океане жизнь и смерть, рождение и разложение неразделимы. Молодые папоротники усеивали мертвые пни, здоровые сочные кустарники росли на скелетах деревьев, поваленных грозой. Это ощущение гармонии, на миг охватившее меня во время бега, оказалось недолгим: оно было разбито на куски потоком, пузырящимся вдоль деревянных перегородок и лестницы для подъема рыбы.

Я все так же шел по прямой, погрузившись по колено в папоротники, скользя по скалам, покрытым мхом, и по влажной пористой земле, обдирая икры об острые сучья поваленных стволов. В кедах хлюпала вода, по лицу хлестали лапы напитавшихся дождем елей, пахнущих смолой. Кто-то уже выследил меня и бросился наперерез справа, но в последний момент я избежал встречи, перепрыгнув лестницу для рыбы и скатившись вниз по склону прямо по направлению к пляжу, к силуэтам в белых комбинезонах, мелькавшим между деревьями. Раздался чей-то крик:

– Да остановите же его хоть кто-нибудь!

Наконец я вышел из леса, и кеды тотчас увязли в рыхлом, липком песке. Чуть дальше у воды лежал какой-то вытянутый предмет. Волны оседали у самой линии берега. Мне оставалось лишь несколько метров, когда передо мной возникли люди, перекрывшие проход. С криком ярости, отчаяния и боли я врезался в эту толпу. Почти преодолел это препятствие, когда их руки сомкнулись, заперев меня будто в клетке из плоти, но я был уже готов к тому, чтобы...

...увидеть...

...этот предмет...

Вокруг туда-сюда сновало множество крабов, чайки били крыльями у берега, ожидая, что их покормят. Она лежала, вытянувшись между двух лужиц, в которых я заметил морской салат, алые морские звезды и морского ежа-гиганта. Я узнал темные кудри, будто водоросли, рассыпавшиеся по песку, испещренному крохотными ямками от ливня, очертания плеч и... шрамы. Но *остальное*... Остальное представляло собой кадр, прямоком взятый из моих любимых фильмов. В свете портативных галогеновых ламп, которые используют для кино съемки, в центре образуемого их лучами белого пятна, резко контрастирующего с серым пляжем, – сияло ее лицо, распухшее и покрытое кровоподтеками. Ее глаза... ее глаза, без сомнения, уже послужили лакомством для чаек, в нетерпении толпившихся на берегу; от них остались лишь две пустые глазницы. Рот был втянут внутрь. Струи дождя омывали тело, разбивались о лужи и дымились, попадая на галогеновые лампы. Их свет ярко освещал ее мокрые бедра, изрезанные во многих местах.

Однако она не была *полностью* голой.

На самом деле она была одета в рыболовную сеть, напоминающую грубоватый модный аксессуар. Я почувствовал, как кровь отхлынула от лица, а рот наполнился вязкой слюной. Лоб покрылся испариной, ноги сделались ватными. Оказавшиеся между ячейками сети маленькие груди были выставлены всем напоказ, так же как и ее гениталии...

Вдруг ветер подул в мою сторону, и я почувствовал запах. Запах трупа. Я сказал себе: «Такого не может быть...»

О господи, нет-нет-нет...

Я отбивался. Я попытался оттолкнуть руки, которые вцепились в меня, пытаюсь оттащить назад. На этот раз они не собирались ослаблять хватку. Внезапно сквозь пелену слез я заметил деталь, ставшую последней каплей. Едва заметное движение... что-то желтое и склизкое размером с палец спокойно выползло из ее открытого рта.

Banana slug – банановый слизень. Я вспомнил, чему Брискер учил нас на биологии: у банановых слизней на языке двадцать семь тысяч крохотных зубчиков, и их слюна настолько густая, что ее можно положить на лезвие ножа и она не разрежется.

Когда полицейские, судмедэксперты и еще бог знает кто уводили меня отсюда, меня вытошнило прямо на него...

6. Двамя месяцами раньше

Ряд почтовых ящиков – всего двенадцать – возвышался в конце дороги, под палящим солнцем Канзаса, во Флинт-хилл, округ Чейз, практически самый географический центр Соединенных Штатов.

Раскачивающийся грузовой фургон «Додж Рэм» остановился ровно в полдень. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. На идеально голубом, будто застывшем небе не наблюдалось ни тучки. Канзас знал ужасные грозы, летом там случались и разрушительные торнадо, но в этой части штата небо часто было безоблачным. Воздушные массы, не останавливаясь, проходили над регионом, совсем как путешественники, освободившись от влаги в западных горах, прежде чем направиться на восток страны.

Женщина отодвинула скрипящие жалюзи, вынула платок и подняла козырек бейсболки, чтобы вытереть лоб от пота. На ней были оранжевые шорты и голубая блузка без рукавов. Женщина поставила ногу на землю и бросила взгляд на окружающий ее выжженный пейзаж.

Пейзаж очень однообразный. Бесконечный и без деревьев. Как мало он напоминает пышность ее родной Вирджинии, поросшей высокой травой вперемешку с цветами: горечавка, сильфия, псевдоиндиго... Дорога почти что прямая, без поворотов. Прерия, по которой ехал «Додж», возвышалась над небольшой известковой долиной, где каменные деревья, тополя и бразильский орех росли вдоль рахитичного ручья.

Сердце Америки. Место, где она наконец обрела покой. После стольких лет, которые провела, обслуживая *его*, убирая за ним дерьмо и мусор, вытирая кровь и слезы... Чужаки утверждали, что этот пейзаж вызывает скуку, и считали местных жителей невежами, но она знала, что все это ерунда – предрассудки горожан. К тому же именно здесь она смогла забыть *его* и его проклятую душу. Здесь не было ничего, что напоминало бы о Гранте Огастине.

Она не пыталась от него сбежать, он легко мог бы ее найти – в его распоряжении были любые средства. Она не пряталась, а всего лишь построила жизнь вдали от него, жизнь без него, жизнь, которая своей простотой была отрицанием той, что она знала рядом с ним. Иногда ей казалось, что за ней следят. Например, когда она брала напрокат сто семьдесят седьмой²⁵, чтобы отправиться в Каунсил-Гроув или в Топику, но ее это совсем не беспокоило. Если бы он захотел напомнить о себе, то уже давно бы сделал это. В конце концов, он сам уволил ее шестнадцать лет назад после той печальной истории...

Это была единственная вещь из того периода жизни, о которой она сожалела, – или, точнее, единственная личность...

За последние пять лет ей случалось думать, что Грант Огастин окончательно о ней забыл, вычеркнул из списка. Но она слишком хорошо знала этого человека, чтобы понимать: он никогда и ничего не забывает. И никого. Порой, когда молнии освещали небо Канзаса и ночь была наполнена зловещими раскатами, она просыпалась и садилась на кровати с замирающим сердцем, видя почти воочию его лицо, обрамленное сполохами молнии.

Шестнадцать лет...

Шестнадцать лет без единой весточки от него, и эта мысль временами не давала ей спать.

Оставляя клубы пыли, женщина доехала до ряда почтовых ящиков. На них были указаны имена: Мерриман, Пухальски, Бойл, а сами металлические ящики блестели, как капот ее «Доджа», несмотря на тень от красного вяза. Солнце немилосердно жгло. Со всеми предосторожностями она открыла свой ящик. Под мышками и на груди проступили круги пота. Плата за то, что кондиционер в «Додже» сломался, а сам грузовичок потреблял слишком много масла,

²⁵ Имеется в виду калибр 4,5 мм, используемый для пневматического оружия. Обозначается в дюймовой системе как. 177.

а коробка передач трещала так, будто собиралась развалиться на куски. Ей давно пора этим заняться.

На дне почтового ящика лежала открытка.

Это мало напоминало корреспонденцию, которую она обычно получала. Засунув руку в темное нутро, женщина извлекла открытку на свет.

И удивленно на нее воззрилась.

Аэрофотосъемка. Зеленые острова, разбросанные в сверкающем море, покрытые лесом; между ними движется крохотный паром, оставляя за собой хвост из мерцающих букв V. Она перевернула открытку. Все верно, адрес и имя ее. *Марта Аллен, 2200 Хайвэй 177, Стронг-Сити KS 66869.*

Женщина начала читать. Нахмурила брови, отчего ее мокрый лоб прорезала глубокая складка.

Она уставилась на буквы, перед глазами все плыло.

И подавила крик.

После стольких лет... Это невозможно. Внезапно слезы навернулись на глаза и потекли тонкими дорожками. Она впиалась зубами в сжатый кулак. В послании говорилось:

«Марта, с ним всё в порядке. Из него вырос хороший парень, такой же сильный и красивый, как его мать. Сожги эту открытку после прочтения. И не пытайся узнать что-то еще».

Открытка без подписи. Но кто ее написал? В открытке сказано о нем, но не о ней. Значит, она умерла?

– Мередит, – прошептала женщина, и слезы хлынули ручьем, сверкая под летним солнцем, будто стекляшки.

Марта огляделась вокруг; сердце испуганно заколотилось, словно у бьющейся в клетке птицы. Можно подумать, кто-то мог спрятаться в этой пустыне, чтобы за ней шпионить.

Долгое время она стояла неподвижно с открыткой в руках и с мокрыми щеками. Пот градом лился по спине под палящим солнцем, окутанным туманной дымкой. Но почему? *Почему теперь, когда прошло столько лет?* Она так долго ждала весточки, каждое утро открывала почтовый ящик, ощущая крохотный проблеск надежды, за которым неизменно следовала такая же вспышка разочарования... Сотни и тысячи утренних проблесков надежды и столько же утраченных иллюзий...

И теперь, когда она давно перестала ждать и поставила в этом деле точку, втайне надеясь... И вот теперь – эта открытка.

Марта подавила рыдание, вытерев лицо ладонями. Разорвала открытку на мельчайшие кусочки и яростно развеяла их в обжигающем воздухе, от которого дрожали сухие деревья. Затем закрыла почтовый ящик. Не оборачиваясь, села в «Додж» – его хромированные части сверкали, – включила зажигание и тронулась с места в облаке пыли. На заднем стекле наклейки взывали: «Свободу Тибету!» и «Мир и терпимость!». Выехав на дорогу, прибавила скорости, уставившись прямо перед собой сквозь ветровое стекло – грязное и усеянное мертвыми насекомыми.

Сегодня днем Марта поплавает в бассейне «Максимум-фитнес» в Топике, а затем до изнеможения будет заниматься на тренажерах. Позже, когда воздух станет чуть пригоднее для дыхания, она устроится на веранде с бутылкой охлажденного белого вина и хорошей книгой и в золотом умиротворении летнего вечера вместе со своими кошками будет наблюдать, как садится солнце.

А чего еще нужно в этой жизни? Всего лишь немного спокойствия и тишины...

7. Допросы

– Как ты себя чувствуешь, Генри?

Тяжелые черты лица, окаймленного бородой, будто ожерельем, и густые черные брови. Шеф Бернд Крюгер напоминал шекспировского героя в костюме шерифа. Скажу я вам, чистойшей воды анахронизм.

– Кофе? – предложил он голосом стентора²⁶.

– Нет, спасибо, я же сказал.

– Кока-кола? Кола-зеро? Спрайт?

– Нет. Спасибо.

– Ты голоден? В торговом автомате есть пончики, жаренные на арахисовом масле. У нас еще осталось несколько датских булочек с сыром.

– Нет, спасибо, шеф... Все нормально...

– Ладно. Тогда косяк?

Я поднял голову:

– Чего?

– Ты разве совсем не куришь, Генри?

Я покраснел. Задумался. На полсекунды дольше положенного.

– Знаешь, можно сделать анализ...

– Такое случалось, – наконец ответил я, шокированный подобным коварством. – Изредка. Но какое это имеет отношение к...

И вот тут, подняв глаза, я обнаружил, что это не кино и не видеоигра. У Крюгера не было физиономии агента Смита из «Матрицы» или Стива Хайна из «Большой кражи машин»²⁷. Вид у него был... *нормальный*. Внимательный, сочувствующий. И от этого еще более жуткий.

– Генри, я не собираюсь на этом настаивать, но твое поведение на пляже... Ты нарушил полицейское заграждение, закатил истерику! Ты напал на представителей правоохранительных органов, ты испортил... а может, и уничтожил улики!

Я ничего не ответил. Мне хотелось оказаться далеко отсюда. Прямо во вчерашнем дне. Я бы проводил домой целую и невредимую Наоми, и ничего этого не произошло бы.

– Генри, – позвал шериф, выдергивая меня из задумчивости. – Генри, ты меня слушаешь?

– Э... вообще-то я не напал на представителей правоохранительных органов... – пробормотал я. – И я не был под кайфом, если вам это интересно... Шериф, скажите, что... что произошло с Наоми?

Эти последние слова были почти вырваны из моих голосовых связок.

Поблуднев, Бернд Крюгер откинулся на спинку кресла.

– Понимаю... – мягко проговорил он.

И повернулся к Нику Сколнику, брату Чарли, стоявшему у двери. Ник выглядел таким молодым в форме заместителя, что напоминал школьника, переодетого для спектакля.

– Генри – приятель моего братишки, – заметил Ник. – Он хороший парень. Верно, Генри?

Мне совсем не понравились его слова и покровительственный тон. Он словно обращался к умственно отсталому. Его взгляд также вызвал во мне внутренний протест. Мгновение я держался, но затем что-то во мне лопнуло, и я скорчился на стуле, зажав руки между бедрами. В грязных джинсах, изгвазданных травой и разодранных на коленках, и в футболке со следами рвоты.

²⁶ Стентор – в древнегреческой мифологии греческий воин, участник Троянской войны, способный кричать столь же громко, как кричат одновременно пятьдесят человек.

²⁷ Название видеоигры.

Я дрожал, но не думаю, что от температуры или из-за того, что одежда на мне была влажной. Я с трудом сдерживал слезы, которые угрожали хлынуть из-под моих распухших век.

– У нас найдется чистая рубашка? – спросил Крюгер. – Ник, глянь там. И позови Криса.

Крис Платт был одним из здешних следователей. В службе шерифа их всего два, а еще два сержанта, пятеро заместителей, двое рядовых сотрудников и один офицер, занимающийся задержанными. И это на какие-то несколько дюжин островов, большинство из которых – обычные необитаемые булыжники. Еще в дополнение к этому полицейские располагали парком автомобилей и тремя моторными катерами. Откуда я все это знаю? Потому что когда-то посетил все эти здания вместе с экскурсией от школы.

Ник неохотно вышел из кабинета, всем своим видом демонстрируя возмущение и недовольство, но у меня не было ни малейшего желания брать это в голову. Не сегодня. Возможно, как и его родители, Ник без особого восторга относится к тому факту, что лучший друг его брата – мальчик, воспитанный двумя женщинами нетрадиционной ориентации.

Вошел Крис Платт.

Низкорослый, круглолицый, в больших очках и со светлой лохматой шевелюрой, он удивительно напоминал покойного актера Филиппа Сеймура Хоффмана. В одной руке Крис держал тетрадь на спирали, а в другой – исходящий паром стаканчик. Он сел за стол рядом с шефом Крюгером, открыл свою тетрадку, отпил глоток кофе, вынул ручку из кармана куртки.

– Тебе шестнадцать, Уокер, так ведь?

– Да.

– Ты живешь на Элкстоун-роуд, тысяча шестьсот?

– Да...

– Ты живешь с...

– Шеф... послушайте, – в отчаянии я поднял глаза на Крюгера. – В какую игру мы играем? Вы же все это знаете...

– В какую игру мы играем? – сухо перебил меня Платт. – Мы – не игра, молодой человек! Мы не в какой-то из ваших видеоигр! У нас здесь совершенно...

– Крис, достаточно, – резко осадил его Крюгер.

Платт замолчал.

– Не думаю, что Генри сейчас готов, – добавил шеф, снова глядя на меня с искренним сочувствием.

Я опустил голову, мои руки дрожали. Тыльная сторона ладоней и пальцев исцарапана, под ногтями грязь. Я находился на грани нервного срыва, на пределе сил, на пределе всего.

Вернулся Ник с влажной салфеткой и рубашкой без знаков различия, но цвета полицейской формы. Он протянул их шерифу, который сделал мне знак снять футболку. На моем тощем теле виднелись следы сумасшедшего бега через лес: ветви хлестали меня, но я этого даже не замечал. Я вытер грудь, затылок и лицо салфеткой, отдававшей затхлостью, затем надел чистую рубашку, которая, разумеется, оказалась слишком большой.

Крюгер протянул мою футболку Нику. Тот, зажав себе нос, взял ее кончиками пальцев.

– Тем не менее нам надо прояснить несколько моментов, – возразил Платт, как только брат Чарли закрыл за собой дверь конференц-зала, который также был и кабинетом Крюгера.

– Да, – согласился шериф. – Это так, Крис. Генри... Конечно, я не могу поставить себя на твое место, но могу представить, что ты ощущаешь. Ты сейчас здесь, с нами, в то время как предпочел бы находиться в другом месте. С родителями. Или с друзьями. Или наедине со своим горем...

Застегивая рубашку, в которую меня можно было бы поместить трех меня, я поднял глаза, удивленный тоном, каким все это было сказано.

– Единственное, что нам может помочь, – это если ты ответишь на несколько вопросов. Понимаешь, мы должны разобраться со всем этим. Мы всего лишь хотим попытаться понять, что там произошло, вот и всё.

Я молча кивнул.

– Отлично. Спасибо. Крис, – сказал Крюгер, поворачиваясь к Платту. – Ты принес бланки?

Это все больше напоминало театральные номера, которые они разыгрывали на пару.

Настала очередь Платта подтверждающе кивнуть.

– Очень хорошо. Идем дальше. Твой ход, Крис.

Следователь встал и направился к маленькой видеокамере, установленной на треножнике в углу.

– Не возражаешь, если мы будем снимать на видео? Это всего лишь обычная процедура для допроса.

Допрос. Это слово произвело на меня эффект оплеухи. Разве мне не пора потребовать адвоката? Или позвонить маме Лив? Я несовершеннолетний, у меня ведь есть право на телефонный звонок? Господи, почему в телесериалах все это выглядит так просто?

– Если это... э... *официально*... – начал я.

Крюгер сделал отрицательный жест:

– Ничего официального. – Он посмотрел на Платта. – Скажи, Крис, ничего официального?

– Ничего, – подтвердил тот. – Просто разговор.

– Тогда почему вы снимаете?

– И правда, почему мы снимаем, Крис?

Следователь встал и выключил камеру.

«Просто трюк, – сказал я себе. – Но довольно ловкий».

Платт снова сел на место и сделал вид, будто просматривает свою тетрадь.

– Генри, мы пытаемся восстановить картину. Когда ты видел Наоми в последний раз?

– Вчера вечером на пароме, мы возвращались из школы.

Я подумал о нашей ссоре и ее исчезновении.

– Потом она, должно быть, отправилась домой, – добавил я. – Вы уже говорили с ее матерью?

Наоми жила на Гласс-Айленд с матерью в лагере трейлеров. Ее отец, индеец из племени ламми, умер в пятьдесят, когда Наоми было шесть. От легочного фиброза – в течение тридцати пяти лет он выкуривал в день по три пачки сигарет.

Обменявшись взглядами, полицейские снова посмотрели на меня.

– С ней пока не удалось связаться, – произнес Крюгер.

– Это как?

– Ее телефон не отвечает. Мы все время попадаем на автоответчик. Ты не знаешь, где бы она могла находиться?

Я покачал головой. Мать Наоми работала крупье в казино в резервации ламми на континенте. Они с Наоми образовывали хоть и неполную, но очень доверительную ячейку общества: одновременно мать и дочь, подруги, сестры-близнецы... Мать Наоми была красивой женщиной, но со времени смерти мужа никто не замечал за ней никаких связей с мужчинами. И это несмотря на обтягивающие шорты и футболки, которые она демонстративно носила с наступлением лета, и постоянные подкатывания всех самцов острова, имеющих причиндалы в рабочем состоянии.

– Ладно, – снова заговорил Платт. – О чем вы говорили на пароме?

Я поколебался.

– Мы... поссорились.

Платт никак не отреагировал, Крюгер бросил на меня странный взгляд:

– Из-за чего?

– Она... она сказала, что... хочет взять паузу...

– Паузу?

– Да... в наших отношениях...

– Такое уже случалось?

– Нет.

– Почему она это сказала, не знаешь?

Я будто снова услышал ее голос, в котором слышались истерические нотки: *«Генри, я обнаружила правду!»*

– Нет.

– А еще что?

В моей памяти снова всплыло: *«Генри, я хочу, чтобы мы сделали перерыв. Паузу...»*

Именно так: она хотела сделать паузу.

– И ты не знаешь о причинах?

В ушах снова зазвучало: *«Кое-что произошло. Мне нужно поразмыслить... И во всем разобраться... Я обнаружила, кто ты такой...»*

– Ей нужно было время, чтобы во всем разобраться, так она сказала, – ответил я. – Это все.

– А дальше?

– Мы разошлись в разные стороны.

– Ты ее больше не видел?

– Нет... На самом деле мы ее искали, мы с Чарли. Но не нашли.

– Чарли Сколник? Брат Ника?

– Да.

– Почему вы ее искали?

Снова я колебался: *«Потому что я хотел, чтобы она все объяснила, я хотел поговорить с ней, но мы ее так и не нашли...»*

– Это ты попросил Чарли помочь тебе с поисками, верно?

– Да.

– И ее нигде не было?

– Нет. Чарли сказал, что она, скорее всего, закрылась в женском туалете...

– А затем?

– Затем паром прибыл в Ист-Харбор, мы сели в машину и уехали.

– Обычно она возвращалась с вами?

– Да...

– Тебе это не показалось странным?

Я осторожно взглянул на следователя. Он по-прежнему выглядел спокойным и внимательным.

– Конечно же, показалось, но я решил, что она просто меня избегает.

Платт кивнул с понимающим видом.

– Генри, если честно, мы не поняли, почему ты так спешил на пляж, почему прорвал заграждение, отказался останавливаться...

– Я вам уже сказал, я... я глупо себя вел, я... я сам не знаю, что на меня нашло.

Платт, которому удалось поистине совершить подвиг: одновременно выглядеть понимающим и сомневающимся, по-видимому, ждал продолжения.

– Я психанул, – пришлось добавить мне.

– Ты психанул?

– Ну да.

– Из-за Наоми?

При звуках ее имени, произнесенного этим типом, кровь бросилась мне в лицо.

– Да...

– Но что заставило тебя подумать, что на пляже именно она? Видишь ли, вот что меня огорчает: как ты это узнал? Информация не распространялась.

– Она... она не пришла в школу. Она не отвечала на мои эсэмэски... И когда... когда мы прочитали эту статью о семнадцатилетней девушке, которую нашли мертвой... я сразу же подумал... я сказал себе... я предположил...

Полицейские хранили молчание, я перехватил взгляд Платта, обращенный к шерифу, и внезапно осознал, что иду по канату.

– Ты прочитал эту статью и сразу же подумал, что это может быть она? – В его голосе звучало неприкрытое сомнение.

– Ну да...

– Видишь ли, можно подумать, что ты спешил, чтобы замести следы...

– В каком смысле?

– Понимаешь, если б ты раньше... Послушай, я знаю, к тебе это не относится, это всего лишь рабочая версия, но, допустим, ты совершил некий *проступок* и боишься, что на месте преступления найдут твою ДНК. Действуя таким образом, ты некоторым образом выгораживаешь себя, уничтожая то, что могли бы впоследствии найти. Понимаешь, что я хочу сказать? А если учесть, что речь идет о...

Я побледнел. Он только что откровенно высказал предположение о моей виновности. Здесь, в этой комнате.

– Еще я там встретил... *заместителя шерифа* Сил... Сильвестри, – заикнулся я.

– Сильвестри-то что там делал?

– Это он следил за входом на место преступления. Когда я спросил его: «Девушка, которую вы нашли, – это не Наоми?» – он отказался отвечать... но я, как бы это сказать... *Я прочитал ответ в его глазах*, понимаете? Дело в том, что он знал про нас с Наоми... Все знают... И он не очень хороший артист.

– Именно тогда ты и решил помчаться туда сломя голову, – заметил Крюгер.

Я потряс головой.

– Не то чтобы именно *решил*, шеф. Я сделал это, не рассуждая. Я просто хотел... увидеть ее... в последний раз. Я знал, что они... что вы все равно не позволите мне ее увидеть, понимаете?

Крюгер печально кивнул. Он выглядел расстроенным.

– Ее что, убили? – сказал я, ощущая ком в горле, почти такой же большой, как скала Юты. – *Это так?*

Крюгер сжал губы.

– В этом еще нет абсолютной уверенности. Но, впрочем, вполне возможно...

– Это он сделал все эти... *ужасы?*

– Ты говоришь о ранах? Нет-нет; должно быть, она получила их, когда запуталась в сеть и билась о скалы. На этот счет еще остаются сомнения...

– Но она голая!

– Она вполне могла *раздеться сама*, – предположил Платт.

Я вытаращил глаза:

– Но зачем ей вытворять такое?

– Кто знает, что происходит в голове у людей, которые кончают с собой...

– Вы хотите сказать, что она... что она бросилась в воду полностью раздетой? С парома? Это бессмыслица! Наоми не была склонна к самоубийству! – Настолько ли я в этом уверен?

Внезапно я словно воочию увидел следы на ее теле. – И потом, ведь в любом случае нашли бы ее одежду, ведь так? Вы нашли ее одежду?

– Нет, – признался Крюгер. – Это нас тоже огорчает. И еще эта сеть: как Наоми могла в ней оказаться? И куда подевалась лодка и ее хозяин? Кто-то испугался и оставил тело на пляже или же привез на лодке? Видишь, мы ничего не знаем.

Платт изучающе смотрел на меня.

– Сколько времени ты встречался с ней, Генри?

Он говорил мягким голосом, но и я не протак. Отвечая, я смотрел на свои дрожащие руки.

– Примерно два года.

– У вас все было хорошо?

– Да.

– А вы раньше о чем-нибудь спорили?

– В смысле?

– Ну, не знаю. Например, мы с женой ни в чем друг другу не уступаем. Будь то покраска стен, подрезание деревьев, марка следующей машины или где провести каникулы... Мы все время спорим. Это правда. Но, видишь ли, это не мешает нам любить друг друга.

– Я вам уже сказал, что нет.

– Ты ее любил?

Я энергично кивнул.

– А она тебя?

Следователь не сводил с меня глаз. Я покраснел. Этот вопрос застал меня врасплох. *Бамм!* Жесткий, как апперкот. Однако мне следовало бы предвидеть, что он прозвучит. Быть начеку. Не знаю, сколько времени я молчал. Однако уверен, что мое замешательство не прошло незамеченным.

– Да...

– Однако *она собиралась тебя бросить*.

Я вздрогнул. Это высказывание тоже не было вопросом. Платт по-прежнему в упор смотрел на меня.

– Кто вам это сказал? Она всего лишь хотела сделать паузу...

– Не кто, а *что*.

Платт вынул из кармана прозрачный пакетик так медленно, что мне захотелось вырвать его у него из рук. Меня затрясло: мой мобильник – с каких это пор он стал вещественным доказательством?

– Узнаешь?

С кислым видом я кивнул.

– Мы лишь просмотрели твои эсэмэски и звонки.

– *Вы читали, что здесь написано?* – возмущенно проговорил я, глядя в упор то на одного, то на другого. – По какому праву?

– Генри, – заговорил Крюгер, – ты же должен понимать: все, что нас интересует, – это обнаружить того, кто это сделал.

– Читая нашу переписку! – вскипел я. – Что вы думали там найти?

– Например, то, что Наоми несколько дней назад внезапно перестала писать тебе эсэмэски, – произнес Платт, четко выговаривая каждое слово. – И что ты безуспешно пытался узнать, что происходит.

Открыв мой телефон, он громко прочитал:

– *«Ничто нас не разлучит. Я люблю тебя. Я буду любить тебя всегда. Спокойной ночи»*. – Следователь сделал паузу. – Отправлено позавчера. Ответа нет. *«Где ты?»* – Еще одна

пауза. – Отправлено этим утром. Ответа нет. «Я люблю тебя». – Он внимательно посмотрел на меня. – Отправлено этим утром. Ответа нет...

Выключив мобильник, Платт через стол протянул его мне:

– Ее телефон не обнаружили. Исчез. Как и ее одежда...

– Полегче, Крис, – нахмурился Крюгер. – Полегче.

Я бросил на него яростный взгляд и выкрикнул:

– А вы не думаете, что если б это был я, то стер бы эти эсэмэски?

Но едва произнеся эти слова, я уже сожалел о них.

Платт неподвижно замер, шериф смотрел на меня прищурившись.

– Генри, – произнес он странным голосом, – тебя ни в чем не подозревают. С чего ты это взял?

Засранцы лицемерные! Я спросил себя, когда ситуация успела так измениться. И если я подозреваемый... Я чувствовал себя потерянным. А они, похоже, знали, что нужно делать. И как. У них была схема, которой они и придерживались. Их взаимодействие было таким же отрегулированным, как теннисный матч. Они были игроками, арбитром, линейными судьями – а я был мячом.

– Это так, Генри, – повторил Платт. – У тебя есть что сказать?

– Прошлым летом ты работал на рыболовном судне, верно? – добавил Крюгер.

Я поочередно смотрел то на одного, то на другого, слушая, как звук моего дыхания отдается у меня в барабанных перепонках.

– Мы хотим тебе кое-что показать, – сказал Платт, вставая.

Вот тогда я заметил компьютер на угловом столе. Платт включил его, повернул в мою сторону монитор, подождал несколько секунд. Затем кликнул по иконке, и открылось окно просмотра видео. Я уставился на экран. Не в состоянии пошевелиться. Я знал, что они сейчас мне покажут.

Внешняя палуба паромы, которую заливают дождь. Водяные брызги. Два силуэта, один из которых отступал, а другой двигался вперед, будто в зловещем танго: Наоми и я... Камеры слежения... Черно-белое изображение было плохого качества, без звука, но ярость, которая читалась на наших лицах и напряженное движение губ свидетельствовали о том, что разговор был на повышенных тонах.

Затем Наоми врезалась бедрами в перила. Покачала головой. Она плакала. Казалось, она в полнейшем отчаянии. Там, на экране, я резко схватил ее за запястья. Наоми вскрикнула. Она отбивалась. Не нужно было звука, чтобы угадать, что она кричит: «ОСТАВЬ МЕНЯ!» Перед этими людьми, готовыми уловить малейший признак моей виновности, другой рукой я разъяренно встряхнул ее, тело Наоми опасно наклонилось над волнами. Я почувствовал, что кровь отхлынула от лица. Взгляды Платта и Крюгера все время переходили с меня на экран и обратно: я – экран – я – экран. На экране Наоми оттолкнула меня, освободилась. Я приземлился на пятую точку. На этом видео я выглядел обезумевшим от гнева; выражение лица у меня было как у настоящего убийцы.

Наоми убежала. Платт нажал на паузу, и изображение застыло. Обездвижив мое лицо, перекошенное от гнева.

В углу экрана было обозначено время: 18.02.

– Ну и?.. – произнес следователь.

Ком намертво встал у меня в глотке. Я смотрел на изображение. Не в состоянии издать ни звука.

– Генри, ты играл на пароме в пазлы?

Я поднял на Платта глаза:

– Что?

Жестом фокусника тот вынул из куртки второй прозрачный пакетик. Внутри лежал единственный кусочек пазла с несколькими песчинками.

– Это нашли на пляже рядом с телом Наоми.

Деталь пазла вызвала у меня какие-то смутные воспоминания. *Что-то такое я видел на пароме.* Но я был не в состоянии думать. Мой разум словно вывернули наизнанку.

В это мгновение за дверью раздался сильный шум, я различил голос мамы Лив:

– *Где он? Вы не имеете права держать его здесь! Я хочу его видеть! НЕМЕДЛЕННО!*

Крюгер посмотрел на Платта. Тот протяжно вздохнул и пожал плечами, затем шериф встал и вышел. Я слышал, как они спорят за дверью: шериф – тихим голосом, мама почти кричала, произнося такие слова, как «гражданские права», «правосудие», «полицейский произвол», «пресса»...

Наконец дверь снова широко открылась, и Крюгер повернулся ко мне, положив свою огромную лапу на ручку:

– Ты можешь идти, Генри. Мы закончили. Пока что.

Я встал, опираясь на стол. Ноги были будто ватные и едва держали меня. Выходя, я встретился взглядом с Платтом, затем с шерифом. Покидая кабинет, я был уверен, что стал для них подозреваемым номер один.

8. Послание

Дождь продолжал лить. Не знаю, как он влияет на наши жизни и наши мысли. Делает ли он нас более закрытыми и отделенными от других? Мы с Лив ехали в молчании. К Агат-Бич, где я оставил «Форд», перед тем как меня забрали полицейские. Разные виды молчания – часть нашей жизни. Это действительно из-за дождя?.. Или, может, Лив берет пример с Франс... В машине чувствовался резкий запах. Уставившись на ветровое стекло, я смотрел, как дворники отталкивают дождевые капли. Но они снова возвращались.

Как и мои мысли постоянно возвращались к Наоми.

Правда о Наоми:

она не была идеальной.

Она хотела ею быть: хорошей подругой, отличной ученицей, активной спортсменкой, принадлежащей ко всем клубам, какие только есть в школе. Вся эта ерунда ее очень привлекала.

Она обожала находиться в центре внимания...

Но суть в том, что с некоторых пор Наоми двигалась к краю пропасти. Мы обнаружили это летом. Точнее, Чарли, Джонни и Кайла начали об этом подозревать, когда она отказалась переодеться в купальник.

Я-то, понятное дело, и так это знал.

Уже долгое время я был свидетелем процесса, который от месяца к месяцу все более усугубляется. Я не мог ни вразумить ее, ни понять, что происходит, несмотря на ее попытки все объяснить. Наоми часто употребляла такие слова, как «стресс», «завышенные ожидания», «точка невозврата». По ее словам, окружающие и не подозревают о том, что многие отличники сами наносят себе повреждения, чтобы справиться с давлением.

Тем не менее меня ужасно напугали эти многочисленные отметины на ее теле. Там, где никто, кроме меня, не мог их видеть.

В первый раз она воспользовалась циркулем. И вырезала слово:

ИЗМОТАННАЯ

У себя на руке...

Зимой. Можно было не опасаться, что кто-нибудь увидит. За исключением меня. Пораженный, я смотрел на эту надпись.

– Что это?

Наоми выглядела очень грустной.

– Прости меня, – сказала она.

Простить ее за что? Я обнял ее. А две недели спустя было уже пять красных глубоких следов, вырезанных на другой руке.

– Зачем ты это делаешь, Нао?

– Это меня утешает.

– Тебя это... *утешает?*

– Да.

– Но как?..

– Вот так.

– Но это же больно?

– Только вначале, потом привыкаешь...

С каждым днем, с каждой неделей следов становилось все больше, и они были все глубже. Вскоре Наоми перешла с циркуля на лезвие бритвы. Процесс пошел быстрее и вскоре стал ежедневным.

Ее тело напоминало иероглиф. Папирус, покрытый каббалистическими знаками, жуткими каракулями.

В последнее время мне было страшно ее раздевать. Впрочем, Наоми и сама опасалась моей реакции. Она находила предлоги: то у нее месячные, то живот болит, то голова...

Настало лето, но она продолжала носить джинсы, водолазки и свитера с длинными рукавами, хотя установилась жара и все жители острова запихнули зимние вещи подальше в шкаф. Наоми перестала заниматься спортом, чтобы не переодеваться в шорты. И вот однажды, когда мы были на пляже и она, несмотря на пекло, отказалась раздеться, Кайла задала ей вопрос. Прямо в лоб. И схватив за руку.

* * *

Я вышел из «Вольво».

Сидя за рулем, Лив обернулась ко мне:

– Возвращайся домой.

И тронулась с места.

Шум дождя, словно истинный голос этого острова, не стихал. Забираясь в машину, я в последний раз посмотрел туда, где начиналась тропинка. Народу стало меньше, но сирены полицейских машин продолжали завывать в темноте.

Я сел за руль, потерявшись в лабиринте мыслей, которые никуда не вели. Все они были окрашены болью. Мне хотелось во что бы то ни стало остановить это. Но оно не останавливалось... И здесь, в машине, меня настиг первый приступ слез. Будут еще и другие, но по силе с этими вряд ли смогут сравниться. Мгновением раньше ничто этого не предвещало. Рыдания били меня изнутри, словно накатывающие волны. Это длилось минуту или две. Я почувствовал себя совершенно разбитым, изможденным. Хрипло дыша, я дотронулся до лба, разбитого о руль.

Наоми.

Ее имя само скользнуло с губ. Оно вылетело из меня, как дыхание. Как если бы в меня вселился чревоуещатель и сказал это без моего участия.

Повернув голову, я едва не подпрыгнул от страха. К ветровому стеклу буквально приклеилось лицо, и глаза следили за мной из-под козырька, с которого стекала вода. Доминик Сильвестри, заместитель шерифа. Я нажал на кнопку, и стекло опустилось.

– Генри, ты в порядке?

Я кивком подтвердил, что да, вытер слезы и сопли. Полицейский положил руку мне на плечо, дружески сжал его. Удивительно, но от этого простого жеста мне стало гораздо легче.

– Возвращайся к себе, – сказал он.

Я снова кивнул и, в свою очередь, тронулся с места. Паркуясь у дома, увидел, что дождевая вода переполнила канавы и водостоки. Из гостиной доносилась певучая мелодия виолончели. Я узнал этот отрывок: «Лебедь» Камиля Сен-Санса. Лив играла его уже сотни раз, и волнующая меланхолия этой пьесы сделала мое отчаяние практически непереносимым.

«О боже, Лив! – подумал я. – Неужели это не могло подождать?»

Но едва за мной закрылась дверь, музыка смолкла. Лив выключила метроном, к чему-то прислонила тяжелый инструмент и встала. Я услышал приближающиеся по паркету ее шаги и другие – более легкие и изящные, – принадлежащие Франс, которая спускалась по лестнице.

– Генри, – только и сказала Лив.

Я без слов последовал за ней.

Дом у нас большой. Там есть гостиная – одновременно для жильцов и для нас – с камином из мрамора с прожилками, над которым висит большое зеркало, окруженное стеной книг и дисков. Жильцы могут брать их на время – в каждой комнате есть проигрыватель. Увенчан-

ные полукруглым стеллажом стеклянные двери выходят на террасу. Сейчас вид из окна был полностью затянут дождем.

Здесь они меня и обняли – крепко. Сначала одна, потом другая. Сжимая в объятиях по доброй минуте, целуя, держа за руки, снова обнимая.

– Генри... Генри... Генри, – прошептала Лив мне на ухо. – Мальчик мой...

Франс обняла меня в очередной раз. Ее красивое лицо, с тех пор как я посмотрел *«Проклятие»* – фильм ужасов семидесятых, ассоциировалось у меня с лицом Ли Ремик, светловолосой актрисы со светлыми глазами, сыгравшей роль приемной матери. Ее черты способны выразить неисчерпаемую гамму чувств и эмоций. Жестами она изображала любовь и привязанность, а ее грустный взгляд не отпускал меня ни на секунду. Я позволил им излить на меня свою нежность, а сам словно со стороны наблюдал этот цирк. Мира, в который я верил и в котором вырос, больше не существовало. Он только что взорвался вместе со смертью Наоми. И я понял: тот Генри, которым я был до сих пор, тоже перестал существовать, он умер вместе с ней. И о том Генри, который пришел ему на смену, я ничего не знаю...

Я улыбнулся. Франс погладила меня по щеке, отступила на шаг – и снова на сцене появилась Лив. А я вспомнил о дуэте Крюгер – Платт.

– Генри? Есть что-то еще, о чем ты не сказал полиции?

Обычно она говорила «полицейским». Очевидно, момент был слишком серьезным. Я сделал знак, что нет.

– Ты уверен?

Судя по виду, мне не поверили.

– Да, мама, – твердо сказал я. – Я все им сказал.

Пронзительный взгляд Лив.

– Ладно, сынок, ладно... Ты знаешь, как мы любили Наоми. Я... не представляю, что тебе еще сказать... Мы потрясены случившимся, могу представить, что ты сейчас переживаешь. Все это так ужасно... ты не хочешь об этом поговорить?

И вновь я сделал знак, что нет.

Лив взяла меня за руки и прошептала на ухо:

– Этот вечер мы проведем вместе. Не замыкайся один в своем горе, Генри. Не отделяйся от нас.

Она хорошо знает мой характер. В трудные моменты я стараюсь найти место, где можно спрятаться, подобно раку-отшельнику, ищущему убежище в кожухе турбинного двигателя. Лив прижала меня к себе, и я оттаял.

– Мама, это просто кошмар, – выдавил я.

– Да, мой дорогой...

– Не знаете, когда будут похороны?

– После вскрытия, – мягко ответила Лив. – Так сказал шериф.

Вскрытие. На какую-то долю секунды я увидел Наоми на сверкающем столе, заледеневшую, ее торс разрезан и широко раскрыт...

Я отшатнулся.

– О ее матери по-прежнему ничего не известно, – добавила Лив.

– Пожалуйста, мне все-таки нужно побыть одному.

Поколебавшись, мама посмотрела на меня:

– Хорошо.

Они обе сделали шаг назад. Я был в полуобморочном состоянии. Как в состоянии гроги. Я поднялся к себе в комнату с одним-единственным вопросом в голове: как я теперь буду жить? Я чувствовал себя как под анестезией. Такое ощущение, что разучился чувствовать. И радость, и горе. Я захлопнул дверь и щелкнул выключателем. Маленький ночник на тумбочке отбрасывал нежный оранжевый отблеск на стены. За окном уже совсем стемнело. Шел октябрь, и

дни чертовски укоротились. Маяк Лаймстоун-пойнт обмахнул окно своей светящейся кисточкой. Я давно привык к этим ночным световым всплескам. Обычно они успокаивали, но в тот вечер в них чудилась угроза. Я разглядывал постеры на стенах, развешанные в ряд, будто в музее научной фантастики в Сиэтле. Подлинный рай для *ботанов*: пчела на нижнем веке Кэндимена, длинный зловещий коготь из «Хостела», ухмыляющийся череп из «Зловещих мертвецов», вызывающее тревогу детское лицо с черными глазами из «Проклятия», кричащий силуэт на красном фоне из «30 дней и ночей», мрачный круг из «Звонка», белые глаза из фильма «Глаза»...

Мне понадобилось много времени, чтобы собрать всю эту коллекцию. Все эти жуткие картинки. Наоми их обожала. Она любила посидеть у меня зимними вечерами, когда ветер стонет за окном и слышен шум моря. Крепко прижавшись ко мне, она спрашивала с беспокойством в голосе:

– У тебя никогда не бывает кошмаров, Генри?

Почему-то я ей так и не признался. О своем кошмаре. Который вижу почти каждую ночь. О маленьком мальчике.

Почему? У нас не было секретов друг от друга – по крайней мере, у меня от нее. Но, черт возьми, почему я ей ничего не говорил?

Когда жизнь раздавливает вас, когда вес горя слишком тяжелый, так и хочется расплющить, чтобы избежать ее, сесть, лечь. Распластаться на земле. Что я и сделал. Позволил себе соскользнуть на пол и, будто подстреленная собака, улегся на ковре у ножек кровати. Я долго так лежал, мое тело сотрясалось от нервной дрожи, а разум был выжжен дотла.

Виолончель замолчала.

Единственным источником звука оставался дырявый водосток, извергающий воду прямо на окно. Дом – будто живой организм: когда идет дождь, дерево распухает, полы приподнимаются, оконные рамы тяжелеют. Эта странная мысль приходила ко мне, когда Наоми была жива, и пришла теперь, когда она умерла.

* * *

Я снова поднялся и сел за стол. Включил компьютер. Вошел на «Фейсбук». На моей страничке фотография заменена виньеткой, имя тоже не высвечивается. В социальной сети я *Фанат фильмов ужасов*. Я ожидал соболезнований, выражений привязанности.

Вместо этого было послание, отправленное неким *Островитянином 723*, которого я совсем не знал.

Оно было предельно ясным.

«Сволочь, убийца».

9. За двенадцать дней до этого

Тем вечером накануне грозы Джей остановился в деревне под названием Холлимид по дороге в Шарлотсвилл. Есть такие места, где останавливаются байкеры, потому что там подают великолепный бифштекс из натуральной говядины, приготовленный вручную, с домашними приправами. Сюда можно добавить яичницу, если есть желание повысить количество протеина в организме. Подобное не для Джея, но может быть отличным вариантом для того парня с мощными руками, которого Джей заметил рядом с байками снаружи, пока парковал свой «Мустанг» на утоптанной земляной площадке.

Было уже довольно поздно. Джей увидел слой черных облаков, громоздившихся на горизонте, и пронзающие их зарницы. Поднимался ветер. От пыльного воздуха с привкусом озона резало глаза. Пространство заливал неестественный свет. Вот-вот должна была разразиться гроза. Джей чувствовал спиной взгляды байкеров, следивших за ним от кассы до двери, но не обратил на это внимания. Почти все эти парни носили бороды, банданы и джинсовые куртки с разорванными рукавами. На спине каждой куртки красовалась эмблема: большой череп, из глазниц которого вырывается пламя, шпага, воткнутая в его макушку, цифра «4», означавшая «жизнь и смерть», две цифры «5», иначе говоря «SS», и число «13». «Сыны смерти» – одна из главных байкерских банд Восточного побережья, наряду с чаптером «Ангелов ада», с которыми у них регулярно случались стычки из-за контроля над территорией. В 2002 году многие из их членов нашли смерть на Лонг-Айленде во время массового побоища. Один из лидеров «Сынов», Роберт Карл Риддик шестидесяти шести лет, был тогда же арестован силами более полусотни полицейских штата и местной полиции.

Джея ничуть не волновали ни «Ангелы», ни «Сыны». Он вошел в бар и сел за единственный свободный столик. В своем углу съел гамбургер, безразличный к шуму, громкой музыке, взрывам хохота, хриплым выкрикам, запаху пива и джина, а также слишком ярким лампам и скрытой угрозе, исходящей от всего этого тестостерона, сконцентрированного в тесном пространстве. Джей заказал себе воду без газа и кофе. Затем вынул из нагрудного кармана рубашки сигару и встал, когда один из байкеров направился к туалетам. Насвистывая, вошел вслед за ним и прислонился к стене, чтобы зажечь свою сигару. Затем стукнул в единственную запертую дверь:

– Выходи оттуда, Хэнк.

Тишина.

– Я сказал, выходи оттуда. Немедленно.

Внезапно дверь открылась, и перед Джейм оказался короткое кривое лезвие маленького ножа фирмы «Шарпфингер». Парню, сжимавшему рукоять, было около шестидесяти. Крупные, но довольно мягкие черты лица, растрепанные седые волосы, белая козлиная бородка. Губы вишневого цвета, глубоко посаженные глаза и дыхание, воняющее яичницей, сигаретами и джином.

– Слушай меня хорошенько, грязный сукин сын. Ты сейчас скажешь своему *хозяину*, что все кончено, что я больше не буду плясать под его дудку.

Джей, уставившись на острое лезвие в форме полумесяца, выдохнул облако дыма из сигары, зажатой между губ.

– Да ну? Черт возьми, а я как раз приехал сказать тебе то же самое. Кто еще захочет говорить с вашей бандой жирных придурков... – Голос Джея был мягким и ласкающим слух, даже когда он произносил оскорбления или угрозы.

– Да какая, к черту, разница, чего он там хочет? Скажи ему, чтобы валил на хрен. И ты тоже, Джей, мелкое говнецо, боссов *любимчик*. А теперь проваливай отсюда, пока я и в самом деле не рассердился.

Байкер сделал шаг вперед, но Джей не пошевелился, никак не прореагировав на угрозу. Его плотно сжатый широкий рот напоминал рубец. Костлявый нос и впалые щеки под выступающими скулами. Из-под черных густых бровей поблескивали серые, будто вылинявшие глаза. Два бесцветных шарика с крохотными черными булавоочными головками по центру. Морщины на лбу и залысины накидывали ему лет пятнадцать. Шею увивали толстые, будто канаты, вены.

– Ты облажался вместе со своими нациками, – процедил он. – От вас требовалось напугать этих расклеящиков объявлений, а не отправлять их в больницу, идиоты несчастные.

– Мне очень жаль, приятель, такое иногда случается. А теперь ты сматываешься.

– Нет, Хэнк, я хочу, чтобы ты вернул деньги, которые мы тебе заплатили.

Парень с козлиной бородкой расплылся в улыбке:

– Да ты бредишь, приятель! Ты вообще видел, где находишься? Ты на себя-то смотрел, дерьмо? Ты с кем говоришь, ублюдок?

– С жирным нацистом и педиком, – ответил Джей.

Он увидел, как лицо байкера искажается и в маленьких глазах загорается ненависть. Казалось, лезвие сейчас воткнется ему в грудь.

– Ах ты засранец, сейчас я тебе дам прикурить! Я тебе язык вырву за твои слова... Никто не смеет так со мной говорить. Слышишь, ты, грязный кусок дерьма?!

– Ходят слухи, что твоя телка любит сосать перцы у черных, это правда, Хэнк? Твой ее не удовлетворяет? Или он у тебя слишком... *маленький*?

Тонкие губы Джея растянулись в улыбке, но пристальный взгляд серых глаз был мертвым. В тот миг, когда байкер сделал движение, чтобы воткнуть нож, Джей схватил его за запястье и с поразительной скоростью прижал к перегородке. Прежде чем Хэнк смог сообразить, что происходит, кость хрустнула, и он взвыл от боли, но музыка, надрывающаяся по ту сторону двери, заглушала его вопли. Одновременно Джей нанес яростный удар коленом по правой коленной чашечке Хэнка, а затем двинул его кулаком в ребра. Байкер рухнул на пол, спиной к писсуару. Все это продолжалось не больше секунды.

Джей прихватил его за шею, сжал и толкнул, пока Хэнк, прижатый спиной к унитазу, гримасничая и скуля от боли, вызванной тем, что его позвонки были прижаты к краю унитаза, не выгнулся назад, запрокинув голову. Пальцы резко надавили на точку под кадыком, и глаза Хэнка едва не вылезли из орбит. Джей с отвращением заметил, что тот не спустил воду, и в желтой луже плавал окурочок. Длинные лохмы байкера мокли в его собственной моче.

– Теперь ты меня хорошо слышишь?

Байкер задыхался. Голос Джея был мягким, как никогда. Хэнк кивнул, по крайней мере попытался: сонную артерию расплющили железные пальцы Джея.

– Смотри.

Свободной рукой Джей вынул мобильник, указательным пальцем нажал кнопку сбоку и большим пальцем включил видео. Развернул экран к байкеру:

– Узнаёшь его?

На маленьком экране Хэнк Рассел Локки, президент филиала очень грозной банды «Сыны смерти» в Вирджинии, целовался в засос с молодым женоподобным блондином, к тому же ярко накрашенным. Оба мужчины были обнажены и ласкали друг друга. Краска схлынула с лица Хэнка, которое секунду назад было ярко-алым.

– Представляешь, какой эффект произведет это видео на твоих ребят?

Зрачки Хэнка напоминали черные дыры, расплзшиеся на всю радужку. Джей задался вопросом, не придушить ли этого придурка. А потом незаметно уйти.

Отпустив байкера, он вышел из кабинки и стал мыть руки.

– Деньги от тебя ждут через неделю, Хэнк. Справляйся.

Ни один звук не долетел из кабинки у него за спиной: Джей внимательно следил за дверью через зеркало.

– И, да – я ничего не слышал.

Ответом ему было бормотание.

Скривившись от отвращения, Джей вышел.

Он въехал в Шарлотсвилл сразу после захода солнца. Октябрьский вечер выдался тяжелым и влажным. В тучах над крышами продолжали сверкать зарницы. Время от времени слышался отдаленный удар грома, но гроза так и не решалась начаться. Избирательный участок Гранта Огастина находился в центре города, на пешеходной улице, полной магазинов и ресторанов. Джей оставил свой «Мустанг» у входа, на парковке Олд-Престон-авеню. Он спокойно шел, пока не заметил большую афишу: «ГРАНТА ОГАСТИНА В ГУБЕРНАТОРЫ» – и портреты своего босса в витрине. Плоское лицо, будто вырезанное кривым садовым ножом, высокий и широкий лоб, ввалившиеся щеки в сочетании с квадратным подбородком и особенно прищуренные глаза, в которых сверкают хитрость, твердость и чувство юмора. Лицо человека, который заботится о своей репутации и при этом способен разрулить любую ситуацию, даже самую скользкую. Короче говоря, парень, которого лучше иметь на своей стороне, чем в числе врагов. И это было именно то, что ищут избиратели в наш век неопределенности.

Еще год назад это казалось бы неудачной шуткой: Грант Огастин выставил свою кандидатуру на пост губернатора. Тип, сколотивший состояние благодаря государственным субсидиям. Но Джей привык думать, что двуличнее Гранта может быть только сам дьявол. В свое время его босс спекулировал на двух особенностях штата, которые знал лучше, чем кто бы то ни было. Хотя Вирджиния в целом была консервативной и республиканской, с 1977 года там установилась любопытная тенденция избирать на пост губернатора человека, политическая окраска которого прямо противоположна обитателю Белого дома: республиканец – в эпоху Картера, демократ – при Рейгане и Джордже Буше-отце, снова республиканец – во времена Клинтона и так далее. Во время избирательной кампании 2009 года, спустя год после вступления Обамы в должность президента, традицию снова уважили, избрав республиканца Боба Макдоннелла. В 2012-м Обама был переизбран. Но тут вступала в игру вторая особенность Вирджинии, где всё не как у людей: это единственный штат в Америке, запретивший своему губернатору оставаться на второй срок. Две фантастические черты, которые Огастин рассчитывал поэксплуатировать.

Здание жужжало как улей: служащие и волонтеры сновали между кабинетами, отвечали на телефонные звонки, замедляясь и резко ускоряясь. Проклятое броуновское движение. Большинство из них – молодые девушки с бейджами «ОГАСТИН» на груди, преисполненные энтузиазмом и желанием изменить этот мир к лучшему. Джей узнал стоявшего за одной из стоек мужчину с бычьей шеей и телосложением бывшего атлета. Грэм Бойс был дьяконом, ответственным за финансы одной из главных церквей Вирджинии. Он спорил с какой-то хорошенькой волонтеркой. Увидев Джея, Грэм чуть отошел в сторону, выпрямился и продемонстрировал улыбку – такую же искреннюю, как реклама страховой компании. Джея не любил никто, за исключением самого Гранта, но все его боялись.

– Он здесь? – спросил Джей.

Бойс кивнул и указал на лестницу в глубине помещения. Джей быстро поднялся по ступенькам. На этаже никого не было, и он прошел по тихому коридору до самой последней закрытой двери, постучался и вошел.

– Вот дерьмо! – процедил Джей, сразу же отворачиваясь.

Но – слишком поздно. Картина уже была запечатлена на сетчатке его глаз. В полумраке коридора большая тень, падающая на стену за спиной: Грант Огастин в льняных брюках кремового цвета и спущенных бордовых трусах был занят тем, что полоскал свой перец во рту одной из девушек-волонтеров, которой наверняка не было и двадцати. Пиджак и галстук валялись на стуле рядом, полы рубашки безвольно свисали на ноги. Тусклый желтоватый свет лампочки играл в светлых волосах волонтерки, гладких и шелковистых, как у куклы. Джей почувство-

вал, что у него зашипало в носу. Секунду он подождал, затем развернулся и, схватив девушку, которая застегивала свою блузку, за ворот, без церемоний поволок к лестнице.

– Если хоть словом обмолвишься об этом, я тебя убью, – шепнул он ей на ухо.

Затем вернулся в кабинет своего босса и захлопнул дверь. Он был в ярости.

– Там внизу дьякон, черт тебя подери! Можешь представить, что было бы, если б вместо меня сюда поднялся он?!

Огастин спокойно застегнул ширинку, затем ремень.

– Зов плоти, – наставительно произнес он. – Который дан мужчине как тяжелая ноша, Джей. Если время от времени не уступать ему, будет отравлено не только тело, но и разум. Он заразится скверными, ужасными мыслями. Лучше очищать его, чем позволять этому развиваться.

Кандидат на пост губернатора сказал это, улыбаясь. Грант Огастин был человеком, полным парадоксов: жесткий и щедрый, пуританин и гедонист, властный и кокетливый, искренний и лживый, умный и сумасшедший. Он заявлял, что у него в роду полно писателей, военных и политиков, но Джей знал, что это очередная ложь: отец Огастина несколько десятков лет работал на нефтеперерабатывающем заводе «Эксон Мобил» в Батон-Руж, а теперь томится в золотой клетке – в роскошном доме для престарелых, где медсестра бдит днем и ночью, чтобы не допустить любопытных журналистов. Как сказал Фолкнер, люди Юга не изучают прошлое, они его поглощают.

– У тебя кровь, – нахмурился Джей.

Действительно, из ноздри Гранта стекала тонкая алая струйка. Джей уже заметил, что всякий раз, когда босс оказывается во власти буйных страстей, некоторое время спустя у него идет носом кровь. Вблизи Огастин выглядел куда менее привлекательным, чем на фотографиях: бледная кожа в сочетании с красными губами цвета ядовитого гриба придавали ему нездоровый вид. Карие глаза казались стеклянными. Все это доказывало, насколько верно утверждение, что фотография – это искусство лжи.

– Сие есть кровь греха, – сказал Огастин, вытираясь вышитым платком. – Эти девки, – добавил он, – просто дьявольское искушение. Для чего бог дал им сиськи, задницу и киску, как не для того, чтобы подвергнуть нас испытанию?

Джей ничего не сказал.

– Эта девушка делает все, что я ни захочу, понимаешь, Джей?

Джей понимал. Он знал своего *хозяина* лучше, чем кто-либо другой. С подросткового возраста он был ему верен как пес. Сегодня Гранту и Джею по пятьдесят, но второй всегда жил в тени первого. Джей был самым незаменимым из тех, кто работал на Гранта Огастина. Он чувствовал людей. Умел выявить слабость или распознать вранье даже быстрее, чем сам Грант. Огастин всегда умел обернуть слабости других себе на пользу. Он сколотил состояние, используя свой талант. Но Джей был упрям, как фокстерьер, когда речь шла о том, чтобы проверить чьи-то границы и что-то от этого человека получить.

Тем не менее Джей стремился только к одному: оставаться в тени своего босса, быть первой из его пешек. Человек на все случаи жизни, правая рука, адъютант, *чистильщик*... Иными словами, их дружба никогда не выходила за пределы отношений «хозяин – раб».

Иногда Огастин так и называл его: «Мой белый раб».

Когда был уверен, что поблизости нет видеокамеры, микрофона или диктофона...

Он лучше других знал, что отныне в Америке никакая частная жизнь больше невозможна.

Маленький кабинет, где всей мебели – глубокий диван, обитый коричневой кожей, рабочий стол красного дерева, небольшой книжный шкаф и серебряный кофейный сервиз. Ничего

особо выдающегося. За деревянными жалюзи можно было разглядеть ветви сассафраса²⁸, омываемые светом молний. На столе была разложена большая карта. С тех пор как Огастин решил выдвинуть свою кандидатуру, он все вечера проводил за изучением географии штата: округ Аллегейни, округ Франклин, округ Раппаганнок, округ Шенандоа... Можно было бы воспользоваться электронным поисковиком, но он не доверял Интернету.

Огастин плеснул в пластиковый стаканчик хорошую порцию бурбона.

– А тебе чего налить?

– Ничего, – качнул головой Джей.

Иногда Грант спрашивал себя, не является ли Джей реинкарнацией катара. Он знал за ним только один грех: сигары.

– Ты видел результаты последних опросов?

Местные каналы всегда показывали его побеждающего противника, но разрыв между ними не переставал сокращаться со дня их первых дебатов в июле в Хот-Спрингс, организованных коллегией адвокатов Вирджинии.

– Если ты победишь на будущих дебатах, то сможешь вырваться вперед, – признал Джей, плюхаясь на диван.

Следующие дебаты должны были состояться 25 октября в Маклине. Их организует торговая палата округа Фэрфакс и канал NBC4. Журналист с канала станет модератором.

– Ты должен нажимать на болевые точки. Никто не в восторге от идеи голосовать за пешку, преданную своей партии. И это точно о твоём противнике: квинтэссенция послушного политика демократов. Твоя проблема – это имидж. Для большинства жителей Вирджинии ты остаешься неизвестным. А те, кто тебя знает, либо одобряют нашу деятельность, либо осуждают ее как антидемократическую.

– Повтори мне основные тезисы.

– Более десяти лет наша деятельность направлена на защиту Америки, но сегодня ты решил поставить свои знания и умения на службу штату, зарождение которого ты видел своими глазами. Ты не политик из чистоплюев-белоручек, а строитель, бизнесмен и патриот.

– Так, значит, «Вотч Корп» – патриотическое предприятие? – шутливо заметил Огастин.

– Патриотическое и процветающее, – очень серьезно поправил его Джей. – Это твоё творение, созданное на благо обществу. Поставь его на передний план.

Они оба знали, что процветающим «Вотч Корп» стало благодаря деньгам налогоплательщиков. Каждый год все больше американцев погибало, поскользнувшись в ванной комнате. Больше жертв, чем от рук террористов. Но производители нескользящих ковриков для ванной не получили от правительства миллиардов долларов, которыми оно после 11 сентября щедро наделило такие фирмы, как «Вотч Корп».

– А если он представит меня как противника демократии? Как человека, который вмешивается в частную жизнь граждан? Создает для этого свои микрофоны, программное обеспечение, видеокамеры, компьютеры? Если он изобразит меня подстилкой Большого Брата, Джей?

– Он этого не сделает. – Его собеседник поморщился. – Иначе может слишком много потерять. ЦРУ, Министерство обороны, Национальное управление военно-космической разведки²⁹, военно-морская база в Норфолке – все они расположены на территории Вирджинии. Думаешь, он хочет всех их оттолкнуть? Нет. Во всяком случае, у нас припрятан козырь в рукаве, на случай если результаты опросов не изменятся на противоположные, – добавил он. – Но оставим это для последних дебатов. Только если нельзя будет поступить иначе. Не стоит их унижать.

²⁸ Сассафрас – лиственное дерево.

²⁹ Одно из агентств американской разведки. – *Прим. авт.*

Улыбаясь, Огастин покачал головой. Он знал, на что намекает Джей. Таково преимущество этой профессии. Знаешь все обо всех. Пока это будет так, ничто не сможет их остановить. У каждого есть свои маленькие скверные секреты. Ну, или у большинства. А ведь сейчас общественное мнение ничего не прощает: оно хочет политиков невинных, безукоризненных, без единого пятнышка...

– Грант, мне надо тебе кое-что сказать.

Тон Джея встревожил его босса. Он поднял глаза от карты.

– Если речь об этой девушке...

– Да при чем тут эта шлюшка, – оборвал его Джей.

На этот раз Огастин забыл про карту. Его верный помощник, правая рука, повысил на него голос.

– Тогда о чем же?

– О Марте.

Грант Огастин неподвижно застыл. В его груди пробудилось чувство обиды. Он сделал глоток бурбона. Удар грома, раздавшийся ближе, чем остальные, заставил дрогнуть стекла.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты помнишь того парня с почты Стронг-Сити, которому дали на лапу?

Грант пожал плечами:

– Весьма смутно... Этому парню из Канзаса платят за то, чтобы он следил за корреспонденцией Марты, так?

Джей подтвердил.

– Уже сколько времени?

– Несколько лет. За мизерную оплату – до сегодняшнего дня... По крайней мере, полтора месяца назад все так и было...

Огастин проглотил слюну.

– Она получила неподписанную почтовую открытку с островов Сан-Хуан, штат Вашингтон, – медленно произнес Джей.

О Марте он вспоминал с нежностью: в течение долгих лет они на пару разгребали дерьмо, которое Грант оставлял после себя. Марта была эффективной, надежной и сдержанной. У них даже случилась короткая интрижка без будущего. Грант так об этом и не узнал. Но она была не такой, как они. Однажды ее терпение кончилось, и она ушла.

Джей знал, что послужило толчком к уходу Марты: *Мередит*. Марте было поручено заниматься делом Мередит, и за спиной у Джея между двумя женщинами родилась очень тесная связь. Без ведома Огастина. Единственный раз, ставший исключением для обычно добросовестной и безотказной Марты.

Глаза Огастина под тяжелыми веками вспыхнули, словно у змеи.

– Что там было?

Джей вынул из кармана картонку, составленную из множества маленьких кусочков, теперь соединенных с помощью клейкой ленты. Он протянул ее боссу поверх спинки дивана. Не хватало только левого нижнего угла: парень с почты, который несколько часов блуждал по окрестностям в сильную жару, не смог его найти, несмотря на предложенное вознаграждение. Огастин скользнул взглядом по фотографии, а затем перевернул, чтобы прочитать текст на обратной стороне.

– Этот болван отправил нам ее лишь недавно, – уточнил Джей. – Не иначе, засунул подальше в шкаф и забыл.

– Твою господу бога душу мать, – произнес Огастин. Лицо его поменяло цвет.

– Не сходи с ума, – хмыкнул Джей.

– Микрофоны всё еще на месте?

Джей утвердительно кивнул.

– Надо всего лишь заменить элемент питания. Ты же знаешь, уже не первый год прослушка не ведется. Но, по их словам, микрофоны все еще в рабочем состоянии. И они выразились крайне определенно: Марта об этом ни с кем не говорила.

– Это могло бы быть дополнительной уликой, – монотонным голосом произнес Огастин. – Доказательством того, что в этой открытке говорится о... о том, о ком мы думаем.

Джей посмотрел на него. Шеф выглядел погруженным в себя.

– Спокойно. Не будем безумствовать. Согласен, это первая весточка за столько лет...

– Это она, – сказал Огастин, внезапно воодушевившись. – «Из него вырос хороший парень, такой же сильный и красивый, как его мать». Господи, да о ком еще может идти речь! Она не глупая, Джей, она знает, что мы всё контролируем: телефонные звонки, электронную почту, поиски в Интернете... Всё, за исключением доброй старой корреспонденции, написанной от руки и посланной по почте. Господи Иисусе, первая неосторожность Мередит за шестнадцать лет! Наконец-то...

– Раньше она никогда так не рисковала, – с задумчивым видом заметил Джей. – Должно быть, решила, что ты в конце концов отказался.

– Поставь себя на ее место. Шестнадцать лет... Никто не стал бы столько ждать.

– Никто, кроме тебя, – сказал Джей.

Огастин кивнул.

– Штемпель почтового отделения Беллингхэма, – уточнил Джей.

– Даже спустя шестнадцать лет Мередит не будет рисковать, отправляя письмо не отходя от дома. Должно быть, она живет на одном из островов, которые на фотографии...

Теперь глаза Огастина горели безумным огнем.

– Я хочу, чтобы ты их разыскал, Джей. Оставь все дела и найди их. Если есть хоть малейшая зацепка, найди Мередит.

10. Логово

Я посмотрел на фасад из-под капюшона, с которого стекала вода:

*Магазин Кен & Гриль
Бакалея, бензин & дизельное топливо,
напитки, видеозаписи
С 1904 г.*

С наступлением ночи магазин «Кен & Гриль» превращался в наше логово. Это здание похоже на декорацию к вестерну: дощатый фасад, огромная рисованная вывеска над входом. Он почти настолько же глубокий, насколько и просторный. Позади – двухэтажный жилой корпус с задним двором, с одной стороны закрытым живой изгородью, а с другой – высокими деревьями, которые начинаются прямо от дома.

В тот вечер я потащился туда, так как Чарли прислал мне эсэмэску со словами о том, что мне очень важно туда прийти. *Потащился* – это точно сказано. Тем не менее я одновременно чувствовал себя тяжелым, подавленным и невесомым, бесплотным, как привидение.

Дождь хлестал по двум рядам окон с маленькими стеклышками по обе стороны двери, находящейся в углублении. Я постучал в окно, и мой друг отодвинул защелку. Здесь была система сигнализации, но родители Чарли включали ее лишь с июля по сентябрь, когда прибывали туристы, а городская молодежь вечерами напивалась, устраивала драки и вытворяла всякие глупости.

Внутри плавал привычный аромат, сложный и богатый: овощи, зерна, фрукты, вощенное дерево, кондитерские изделия, пыль... Все это смешивалось с призраком запаха кофе, который Венди, здешняя продавщица, заваривала в глубине коридора справа, за холодильными камерами. Кассовый аппарат слева. Сквозь оконные стекла проникал уличный свет и освещал начало полок, которые вырисовывались четырьмя параллельными дорожками от входа до самых недр.

Кайла и Джонни уже сидели в тени, в задней части магазина, за одним из трех столов, где родители Чарли подавали завтраки и бургеры шесть дней в неделю. Ни слова, ни движения. Единственное освещение шло от витрин с пивом и газированными напитками за их спинами.

Даже в полумраке я видел, насколько друзья подавлены. Мелькнул красноватый огонек сигареты. В другое время Чарли разорался бы, но сейчас и слова не сказал. Мелкие запреты утратили свое значение перед самым серьезным из всех преступлений: *убийством*. Я рухнул на стул во власти изнеможения, которое объяснялось сильнейшей телесной усталостью. Джонни толкнул свое пиво ко мне; я отпил глоток, потом другой, а затем вернул ему.

– Генри, приятель, мне так грустно, – проговорил он. – Так грустно... Черт, до сих пор не верится...

Его горло сжал спазм, а голос напоминал скрип старого водопроводного крана, который не поворачивали бог знает сколько лет. Несмотря на полумрак, я мог видеть, до какой степени он переживает. Чарли дрожал как лист и не переставал машинально теребить одну из белых завязок своего капюшона, накинутого на голову, чтобы, вероятно, скрыть слезы.

– Мы с тобой, Генри. Это просто... просто ужасно, – сказала в свою очередь Кайла, понизив голос, словно кто-то мог нас услышать, хотя в этом чертовом магазине не было никого, кроме нас.

Родители Чарли уже давно ушли в свой дом, где они жили и куда невозможно было добраться из лавки, разве что поднявшись на два лестничных пролета и пройдя по длинному коридору, в который выходили мужской и женский туалеты и кухни. Она с трудом ворочала языком, и я догадался, что ребята хорошо выпили, а может, приняли кое-что еще.

– Не могу поверить, что она мертва, – продолжила Кайла. – Просто в голове не укладывается. Такое впечатление, что завтра она снова будет здесь, на парковке у паррома... – Она издала печальный нервный смешок. – Черт, не могу поверить, что она могла умереть. Ну что за дерьмо!.. – Кайла расплакалась, время от времени вытирая нос.

– Больше всего на свете я бы хотел, чтобы она сейчас была с нами, – добавил Джонни надломленным голосом.

Кайла придвинулась к нему и сжала его пальцы. Жест нежности. Меня пронзила отчаянная мысль: эти двое будут и дальше любить друг друга и по-прежнему встречаться.

Они были так похожи: изящные черты лица, большие прозрачные глаза, часто затуманенные травкой, кислотой или экстази. Дешевые шмотки, босые ноги в песке, внешнее безразличие ко всему, скрывавшее, однако, глубокие психологические травмы. Своими Кайла Макманус была обязана отчиму, на десять лет моложе ее матери, который два года назад вышел из тюрьмы и стал ее сраным первым. Надрвавшись, он мог быть жестоким и до жути приставучим, если вы понимаете, о чем я. Об этом мне как-то раз сказал Джонни. Он всегда заявлял, что мечтает набить морду этому *сукину сыну, чертову извращенцу*. Но я знал, что он боится этого типа, который восемь лет отсидел в «Вэлла-Вэлла» за то, что выбил глаз канадскому байкеру бильярдным кием и помочился ему на другой глаз. Все произошло прямо на улице в одном из городков штата Вашингтон. В «Вэлла-Вэлла» этот ублюдок добился высокого положения, сделался поджарым и мускулистым, покрыл все тело татуировками, как Де Ниро в «Мысе страха».

Отец Джонни же изначально был плотником, а во время строительного кризиса ему пришлось устроиться на нефтеперерабатывающий завод в Анакортесе. Он трудился на заводе «Тезоро» в тот день в 2010 году, когда случился взрыв. Итог: пятеро погибших и двое раненых – в критическом состоянии, с обширными ожогами третьей степени. Отец Джонни оказался среди них. С тех пор он целыми днями сидел в кресле с капельницей в руке и отказывался принимать посетителей. У него больше не было носа, а его лицо напоминало лоскутное одеяло или детский рисунок. У них там в Анакортесе есть поговорка: «Мы не печем печеньки, мы кипятим нефть». За несколько месяцев до взрыва заводу «Тезоро» присудили штраф в 85 700 долларов за семнадцать «грубых нарушений безопасности». Вскоре приговор был таинственным образом заменен только на три нарушения и 12 250 долларов.

До этого несчастного случая отец Джонни был приветливым соседом и добрым отцом. Из больницы он вышел совсем другим человеком. Стал агрессивным и с тех пор, как обосновался в кресле производства фирмы «Эймс», целыми днями проклинал сына и называл его никчемным неудачником. Но, несмотря ни на что, Джонни продолжал о нем заботиться. Потому что заняться этим было больше некому: мать начала новую жизнь с одним болтуном, продавцом автомобилей из Сидро-Вули.

– Ты же видел ее на пляже... Как она выглядела? – еле выдавил Чарли.

О, дерьмо, Чарли! Примерно секунду я неподвижно сидел, положив локти на стол. *Как она выглядела?*

– Скверно, – наконец ответил я. – Очень скверно.

– Что с ней произошло? – спросила Кайла. – Ходит целая куча слухов.

Я посмотрел на нее невидящим взглядом. Облизал губы. Совершенно не хотелось об этом говорить.

– Она утонула... Запуталась в рыболовной сети... Не знаю точно, что произошло. Они тоже ничего не знают.

– *Утонула?* – повторил Чарли. – Думаешь, в тот вечер она упала с паррома?

– Они делают вид, будто верят, что Наоми, возможно, сама спрыгнула... Добровольно... Повисла тишина.

– Что значит «сама»? – повысил голос Чарли.

– На самом деле они считают, что это убийство. Они в этом почти уверены. И вполне вероятно, что вскрытие это подтвердит, – добавил я замогильным голосом.

УБИЙСТВО

Стоило прозвучать этому слову, как тишина стала почти осязаемой. Ее нарушало лишь тихое гудение холодильников и шум дождя. *Убийство*. Никому из нас не случилось проникнуть в сущность этого явления. Это было слово из фантастики, слово из телесериалов и детективов. Это было как сама смерть: она остается абстрактным понятием, пока не умирает кто-нибудь из ваших близких или пока не умираете вы сами.

Такое просто не могло произойти на нашем острове, как нам казалось. Однако это не просто случилось, но и ударило по самому близкому нам человеку.

Джонни вынул из кармана толстовки таблетку и положил на язык, запив ее глотком пива.

– Я же говорил тебе, что не хочу этого здесь, – сказал Чарли.

– Наоми сегодня умерла. Убита каким-то психом. Поэтому пошли вы все, – ответил тот.

Чарли принял удар. Я видел, как приподнялись его плечи, и хотя в полумраке черты лица было сложно различить, догадался, что он плачет. Безмолвно. Это длилось почти минуту.

– Прости, – сокрушенно пробормотал Джонни. – Чарли, мне правда очень жаль. Какой фигней я занимаюсь!

Чарли кивнул, словно говоря: *«Ладно, проехали»*.

После того как я выплакал все слезы у себя в комнате, глаза у меня были сухие, а веки распухли. Я наблюдал за друзьями со странной отрешенностью, которая, может, и была последствием стресса.

– Они спросили тебя, когда ты видел ее в последний раз? – спросил кто-то придушенным голосом.

– Ну да.

Я рассказал им про допрос в кабинете шерифа. Про нападки Платта, про их отвратительный спектакль, про намеки на содержание моих эсэмэсок и особенно про удручающую видеозапись с парома.

Последнее будто встало между нами.

– Думаешь, тебя подозревают? – спросила Кайла изменившимся голосом.

– Думаю, я подозреваемый номер один.

– Ты сказал нам, что вы с ней поспорили, – продолжила она, – но не сказал, что все зашло так далеко...

– И что? К чему это ты клонишь, Кайла?

Молчание сделалось тягостным.

– Паршиво это, – заметил Чарли.

Никто не стал спорить.

– Теперь, когда они думают, что виновный у них в руках, они не станут копать дальше, а вцепятся в тебя, – мрачно закончил он.

Эта перспектива наполнила меня ужасом.

– И что с этим делать? – спросил Джонни.

– Я вижу лишь один выход. Если мы хотим помочь Генри и отомстить за Наоми...

Все смотрели на него, ожидая продолжения.

– Нам нужно найти виновного.

– Что? – спросила Кайла. – Ты что, прикалываешься?

– Думаешь, в такой момент у меня есть желание прикалываться?

– И как мы, по-твоему, это сделаем?

– Вот уж понятия не имею. Но способ наверняка есть... Во всяком случае, попробовать стоит.

– Чарли, этим занимается патрульная служба штата Вашингтон и службы шерифа. Наверняка они сделают все возможное. А ты хочешь, чтобы мы вчетвером их переплюнули? Мечтаешь поиграть в следователей?

– Надо попробовать, – упрямо повторил мой друг. – По крайней мере, постараться обнаружить какие-нибудь детали, которые могли бы помочь полиции.

– Эй, с чего бы *нам* их обнаружить? Мы же не в «Скуби-Ду», черт подери!

Раздражение Кайлы поднялось до опасной отметки. Она была способна на приступы гнева, внезапные, как летняя гроза. Джонни мог это подтвердить. Однажды Кайла застала его на вечеринке флиртующим с другой девушкой. Сначала она была подавлена, а затем в самый неожиданный момент бросилась на него и проломила череп бутылкой «Будвайзера» на глазах у охваченной ужасом соперницы. В результате Джонни наложили четыре шва. К моменту нашего знакомства он был всегда начеку.

– Ну как сказать, – пожал плечами Чарли. – Потому что Генри – последний, кто видел Наоми... э... *живой*, – продолжил он, для наглядности поочередно загибая пальцы. – Потому что вчера вечером все действительно произошло на борту парома. В тот момент наша компания находилась там, чего нельзя сказать о полицейских. Потому что мы вдвоем прочесали весь паром в поисках Наоми. Даже если сейчас мы не можем чего-то вспомнить, все равно мы видели что-то, что может оказаться важным.

В полумраке я попытался встретиться взглядом с Кайлой, но та избегала меня.

– Я согласен с Чарли, – сказал я. – Мы должны хотя бы попробовать... Надо сделать это ради Наоми. Она была нашим другом, верно? – Я сделал паузу. – Вы же не забыли крещение?

– Нет, конечно, – сухо возразила Кайла, задетая за живое.

– *Мне подобная, моя сестра*, – торжественно произнес я, и слезы снова подступили к глазам.

– *Мне подобная, моя сестра*, – мгновение спустя повторил Чарли.

– *Мне подобная, моя сестра*, – тихо откликнулся Джонни.

– А, дерьмо. Согласна, согласна, черт побери, – сдалась Кайла. – Что делать-то будем?

11. Пазл

На мгновение вопрос повис в воздухе.

– Отправная точка – это паром, – сказал я. – Вот откуда следует начинать.

– Кто-то сбросил ее за борт, и там она запуталась в сети? – предположил Джонни.

Эта версия сразу показалась нам неправдоподобной. Полиция тоже наверняка отмела ее: маршрут паромов не проходит через зоны рыбной ловли. Сколько морских миль тело могло продрейфовать за ночь? Очевидно, это должно зависеть от течения. И в том маловероятном случае, если Наоми, дрейфуя, запуталась в сети, она в тот момент была мертвой или живой? И почему рыбаки на борту своего траулера ничего не заметили? Да, если предположить, что они обнаружили тело среди рыбы (при этой мысли я испытал приступ отвращения), как они могли оставить его на пляже и вернуться на судно, будто ничего не случилось?

– Она могла покинуть паром с кем-то еще, – выдвинул гипотезу я.

– В этом случае камеры засняли бы их и полиция знала бы, кто это такой...

Я посмотрел на Чарли.

– Ты не мог бы порасспросить брата, нет ли в записях камер слежения эпизода, где Наоми покидает паром?

Но ответ я уже знал. Вопросы полицейских, их интонация яснее ясного говорили о том, кого именно они подозревают, а это означало, что ничего такого в записях с камер не было.

– Есть одна штука, которую они мне сказали, – продолжил я.

Друзья повернулись ко мне.

– Рядом с телом Наоми нашли кусочек пазла. На пляже.

Поставив локоть на стол, я взъерошил себе волосы, нахмурившись и склонив голову набок.

Это наводит на мысль о чем-то, что я видел на пароме, но что именно, мне не удастся понять...

– Пазлы есть на всех паромах, – заметила Кайла.

– Таггерт, – бросил Чарли.

Вздвигнув, я уставился на него. Он прав: Джек Таггерт.

В тот вечер он был на борту. Я будто снова увидел его: сидит перед пазлом, разложенным на столе, как всегда один. По телу пробежала дрожь. Таггерт – грязный тип, все это знают. Ходили слухи об изнасилованиях, которые он совершил, когда служил в армии пехотинцем, но те же слухи утверждали, что армия, со своей юридической системой, не дала ход делу. Вроде бы отговорили подавать жалобу всех двадцать семь военных – мужчин и женщин, жертв его домогательств. Уйдя в отставку, Таггерт использовал свои навыки, чтобы заняться контрабандой, но его поймали, и он отсидел целых три года в тюрьме Орегона, после чего вышел и обосновался на Гласс-Айленд. В западной части острова, в глубине леса, у подножия Маунт-Гарднер. В самой негостеприимной его части. *Не так далеко от Агат-Бич...*

– Я видел Таггерта сидящим на пароме за пазлом, – сказал Чарли.

– И что? Пазлы есть на всех паромах, – повторил я. – И он не единственный, кто его собирал.

– Но я говорю о пароме, с которого исчезла Наоми, – настаивал Чарли.

– И речь идет именно о Джеке Таггерте, – добавил Джонни, поворачиваясь к Кайле, – самом стремном типе на острове после твоего отчима.

Она бросила на него уничижительный взгляд.

– Ну так заявим в полицию, и все дела.

– И что они сделают? Какой судья выпишет ордер на основании того, что шестнадцатилетний парень увидел человека за пазлом?

- Вот черт, этот тип фигурирует даже в базе данных преступников! – воскликнул Джонни.
- И его хибара не так уж далеко от пляжа, – напомнил я.

В полицейской базе данных значились все правонарушители, живущие на архипелаге. Она регулярно обновлялась службой шерифа. Согласно этой базе, на архипелаге живет двадцать шесть сексуальных преступников, представляющих небольшую угрозу, и пятеро – представляющих повышенную. Понять бы еще, что это означает... И речь идет только об островах. Я вспомнил другую историю, всколыхнувшую округ два года назад: в 2011 году, незадолго до того, как Таггерт поселился на Гласс-Айленд, речь шла о другом сексуальном преступнике, уже отбывшем наказание. В заголовке «Газеты островов Сан-Хуан» значилось: *«На Гласс-Айленд скоро поселится сексуальный преступник третьего уровня»*. На первой странице был помещен портрет этого типа. Почти половина населения устроила манифестацию перед дворцом правосудия острова. Прочитав эту статью, Лив испустила крик ярости:

- Если он представляет собой опасность, то почему до сих пор на свободе? Если нет, почему его не оставят в покое? Третий уровень... Боже мой! Что это еще за белиберда?

Но я был не настолько объективен. Что важнее – спокойствие этих типов или безопасность детей? Разве их родители не имеют права знать, что в округе живет педофил, а женщины – что неподалеку бывший насильник? Лив тогда возразила:

- Пойми, Генри, каждый имеет право на второй шанс. Они и так уже достаточно наказаны.

Но я больше не был в этом так уверен.

Зато уверен я был как раз в противоположном: что есть кучка людей, которые наслаждаются, торгуя вразнос сплетнями такого рода. Их заботит не столько безопасность невинных младенцев, сколько вкусный яд злословия, замаскированный под добродетель.

Я поколебался, бросив взгляд наружу. Дождь, поливающий кафельные плитки, стекал вниз черными и блестящими струями.

- И все-таки вам не кажется, что имеет смысл пойти туда и взглянуть?
 - Пойти и взглянуть на что? – спросила Кайла.
 - На прокисшую халупу этого засранца, – холодно бросил я.
- Эти слова пробили пелену безразличия, и все одновременно оживились.
- Ты это серьезно?
 - И как мы на это посмотрим? – поинтересовался Джонни.
 - Заберемся в дом, когда его не будет на острове, – пояснил Чарли бесцветным голосом.
 - Вы что, смеетесь тут надо мной? – поморщилась Кайла.
 - ЧЕРТ ПОБЕРИ, КАЙЛА, ТЫ ДУМАЕШЬ, В ТАКОЙ МОМЕНТ У НАС ЕСТЬ ЖЕЛАНИЕ ШУТИТЬ?

Эти слова Чарли произнес таким необычным для него голосом, полным ярости, что мы все вздрогнули.

Я увидел, как Кайла пристыженно опустила голову.

- Ну что, – подвел итог Чарли. – Кто «за»?

Он поднял руку, я сделал то же самое. После секундного колебания Джонни присоединился к нам. Кайла энергично потрясла головой в знак отрицания, опустив глаза и разглядывая столешницу.

– Трое против одного, – объявил Чарли. – Сегодня это не провернуть. Пойдем завтра. Подождем, когда он будет на континенте.

Таггерт вкалывал в кафе в Маунт-Вернон.

– Как-нибудь выкручиваемся, чтобы вернуться из школы пораньше. Джонни, ты караулишь прибытие паромов, мы с Генри пойдем туда.

- Надеюсь, полиция сделает всю работу до вас... – начала Кайла ледяным тоном.

Мобильник Джонни выбрал именно этот момент, чтобы завибрировать у него в кармане, и он вынул аппарат, чтобы просмотреть эсэмэски, будто мы тут вели обычную дружескую беседу. Экран осветил его бледное лицо.

– Чертово дерьмо! – воскликнул он.

– Что там такое? – спросил Чарли.

В свете экрана я ясно увидел, что Джонни украдкой пялится на меня.

– Я не верю.

Кайла склонилась над экраном, и я увидел, как она побледнела, перед этим, в свою очередь, незаметно бросив на меня взгляд. Мой желудок скрутило от страха.

– Что там такое, Джонни?

Он смущенно поднял на меня глаза.

– Мне это только что прислали. Похоже, ходит в социальных сетях...

Джонни повернул свой телефон так, чтобы мы с Чарли могли увидеть. Мы склонились над экраном, плечо к плечу. Я чуть не подпрыгнул. Страница на «Фейсбуке». Страница с *моим* снимком. Я слотнул слюну... Сделанным без моего ведома с телефона, издали, но вполне узнаваемым. На этой фотографии у меня была гнусная морда. Вид человека, которого есть за что упрекнуть. Настороженный взгляд мутного типа. Я втягивал голову в плечи под проливным дождем. И ко всему прочему меня вели двое полицейских.

По всей вероятности, меня сфотографировали на обратном пути с пляжа, после того, как я туда вломился. Страница была скупо озаглавлена: «Я – убийца». Там уже была целая лавина комментариев.

Я всегда считал этого парня странным!

Его весь день допрашивала полиция...

Парень, воспитанный двумя лесбиянками...

Как вы можете кого-то обвинять без доказательств? Вам должно быть стыдно.

Он всегда был заносчивым козлом, он ни с кем не считается!

Нет дыма без огня.

Наоми была суперской девчонкой. Мне очень больно.

Я не верю, копы его отпустили...

Прекратите свои словесные испражнения, расследование только начато!

Вы дебилы безмозглые!

Я насчитал сорок таких постов, прежде чем сказать:

– Хорошо, этого достаточно.

Джонни поспешил закрыть страничку.

– Сборище придурков, – бросил он.

– Ты должен ответить этим кретинам, – сказал Чарли.

– Если он это сделает, ему капец, – заметила Кайла.

– Если не сделает – тоже, – возразил Джонни.

Было ли это началом кампании по кибертравле? Эта перспектива повергала меня в ужас больше, чем любая физическая угроза. В голове крутились истории об учениках, доведенных до самоубийства, потому что они были геями, не такими, как все, или просто недостаточно крепкими, чтобы защититься в этих джунглях – собственной школе. В большинстве случаев те, кто толкнул их в могилу, не чувствовали за собой ни малейшей вины. И ведь они не принадлежали к числу тех, кто недавно потерял любимого человека. Внезапно я осознал, как безгранично сейчас, в это самое мгновение, уязвим, хрупок, как фарфор. Как смогу я сопротивляться такому цунами глупости, недоброжелательности и жестокости, если оно нахлынет? Я почувствовал страх. Я вспомнил, что где-то читал: в прошлом году миллион детей и подростков подвергались травле, угрозам, став объектами полных агрессии комментариев, подавления

в форме запугивания и жестокости на «Фейсбуке». В социальных сетях слова ненависти распространялись подобно пожару.

В полумраке я попытался встретиться взглядом с друзьями. Я был в ужасе.

– Мне страшно, – сказал я дрожащим голосом.

Кайла наклонилась вперед, положив локти на стол, и, внезапно смягчившись, взяла мои руки в свои. И сжала их.

– Мы с тобой.

– И это навсегда, парень, – произнес Джонни. – Мы все в деле, верно?

– *Мне подобный, мой брат*, – подхватила Кайла.

– Начиная с этого мгновения нам нужно организовать, – объявил Чарли. – Будем держать ухо востро и отслеживать, что вокруг говорится и делается. Сегодня в эпицентре Генри, а завтра можем оказаться мы все. Также надо быть очень осторожными и с телефонными звонками. Эти ублюдки копы очень даже могут поставить Генри на прослушку. Начиная с этого вечера все, что мы хотим сказать друг другу, говорим при встрече, ясно?

Все высказались «за».

– Встречаемся здесь завтра в пять вечера. Исхитритесь уйти пораньше.

Затем Чарли обнял меня за плечи и прижал к себе. Я увидел его глаза и ощутил себя не одиноким, *любимым*. Я почувствовал тепло этой любви без задних мыслей, существующей только между нами. Это передалось мне от них, будто электрический ток. Я был живой и, в противоположность тому, что перед этим думал, не одинокий.

– Не бери в голову, парень: им не удастся поймать нас, – сказал Чарли. – Да, такова жизнь. Она жестока и несправедлива. Но мы же братья. Мы – семья.

Друзья согласно кивнули.

– Настоящая семья, – добавил Чарли, без сомнения, имея в виду свою.

Не проходило и месяца, чтобы кто-нибудь из нас не произносил подобные слова. Мы вступили в возраст, когда выражение таких чувств могло бы показаться немного смешным и когда стыдишься выставлять их напоказ. Но не сегодня. Этим вечером мы будто возвратились в тот главный день на берегу реки, нам снова было по тринадцать лет. Братья и сестры, неразделимые, как пальцы одной руки. В этот вечер мы снова погрузились в детские фантазии: вампиры, волки-оборотни... В этот вечер Наоми вновь была среди нас.

И тут в голову пришла странная мысль. Когда я стал их другом, мне было двенадцать лет. А те, кто становится друзьями в этом возрасте, остаются ими навсегда. Даже случись прожить сто лет...

12. Бессонница

Я ехал от магазина «Кен & Гриль» в каком-то бессознательном состоянии. Во мне боролись два противоречивых чувства. Желание сгонять на другую часть острова и осмотреть халупу этого урода Джека Таггерта – и уныние при мысли о том, что мы там ничего не найдем. Учитывая его прошлое, он не настолько глуп, даже если замешан в этом деле, чтобы оставлять хоть малейшие улики.

Прихлебывая пиво «Аляска», прихваченное в магазине родителей Чарли, я устремил взгляд на ленту дороги, расстилавшуюся в свете фар. Двойная желтая линия посередине, освещенные деревья по сторонам, напоминающие гостей на мальчишнике, выстроившихся в честь бедного оплакиваемого жениха: *Боу-хоу-хоу-хоу, парни! Вот и он: бедный-бедный-бедный мальчик! Боу-хоу-хоу-хоу...*

Я всегда считал этого парня странным...

Парень, воспитанный двумя лесбиянками...

Он всегда был заносчивым козлом, он ни с кем не считается...

Нет дыма без огня...

Так шептали клены и бальзамические сосны по обочинам дороги. Меня преследовали комменты со странички на «Фейсбуке».

Дождь перестал, и странное дело: шоссе казалось уже высохшим, несмотря на несколько полос тумана, которые плавали над асфальтом то тут, то там, разрываемые светом фар. Ночь выдалась просто запредельно темной. Я спросил себя, не проскочил ли, задумавшись, развилку на Экклстоун-роуд, как вдруг заметил силуэт, переходящий дорогу в конце правой линии. Здесь такое нередко можно видеть: косули или кабаны – причина неспешной езды, а на некоторых внедорожниках установлен усиленный навесной бампер. Но сейчас это был не олень, и, господи боже, он всего лишь прошел. Этот силуэт был мне, *бесспорно, знаком.*

– *Спокойно,* – сказал я своему сердцу, которое учащенно забилося. – Все это уже пережили: впечатление, что узнал человека со спины в толпе, а когда он оборачивается, спрашиваешь себя, как можно было настолько обознаться. Мозг – это непослушный обманщик, а иногда и наш враг.

Непослушный обманщик...

Но мое сердце бешено колотилось, пока я приближался. И когда фигура возникла в кустах слева, я не сомневался, что это *она*. Я резко затормозил у возвышенности, где исчезла фигура, и заметил бледную тень, убегающую в лес. На ней было только очень легкое летнее платье, которое разлеталось, позволяя видеть ее икры и босые ноги.

Открыв дверцу, я вышел из машины.

– Наоми!

Казалось, она на мгновение остановилась, а затем возобновила свой бег.

– Наоми, это я!

Продираясь сквозь заросли, освещенные лишь светом фар, и перепрыгивая через ветки и поваленные пни, я снова подумал о трупке на пляже, о темных волосах. Но также мелькнула мысль и о лице, обезображенном кровоподтеками и ранами... Почти *неузнаваемая*.

– Наоми!

Я вновь побежал. Ветки замедляли мой бег, и вдруг я оказался на открытом пространстве. Здесь были только высокие прямые стволы и редкий подлесок. Я прибавил ходу. Затем Наоми вдруг исчезла. Полная луна освещала все вокруг бесплотным матовым светом, но *она* оставалась невидимой. Я двинулся вперед. Ухнула сова. Я обошел вокруг бука. *Она* была там – сидела на мху, опираясь спиной о здоровый трухлявый пенек.

Я замер.

- Наоми! Это ты?
- Уходи, Генри, – попросила она. – Уходи...
- Наоми, что ты здесь делаешь?
- Говорю тебе – уходи.

Мой взгляд бешено метался, не в силах остановиться на чем-то одном.

- Но кого же тогда нашли на пляже?
- Кого-то, похожего на меня.
- Почему ты не пошла в полицию?
- Я им не доверяю. Там кое-кого надо остерегаться.
- А меня ты тоже остерегаешься?

Наоми улыбнулась, но это была жалкая, вымученная улыбка. Грустная. У нее был очень испуганный вид. Ее колени были как-то неловко подогнуты. Шея опухла. Я различал на ней лиловые отпечатки, напоминающие следы от веревки или от пальцев, словно кто-то пытался ее задушить.

Она прерывисто дышала. Грудь вздымалась, и сквозь тонкую ткань платья я увидел соски, затвердевшие от холода. К своему большому стыду, я почувствовал, что напрягаюсь. Это не было обычной эрекцией: настоящий черенок от лопаты, застрявший у меня в джинсах.

Вдруг Наоми подскочила, ее белые глаза вытаращились, а черный провал рта открылся в гримасе ужаса.

Я тоже это услышал...

В лесу что-то двигалось, приближалось. Что-то большое. Тяжелое, как человек. Медведь? На континенте в горах водились черные медведи, но не здесь, на острове. А для лани оно великовато...

– Ему нужна я, – прошептала Наоми. – Уходи, иначе он найдет меня по твоему запаху. Уходи!

– Нет, я не уйду без тебя.

Но, по правде говоря, мне очень хотелось послушаться ее и наострить лыжи. Шум раздался снова. Гораздо ближе. Громкое шуршание листьев и веток. Я огляделся вокруг, но ничего не увидел, за исключением толстых пней, пустого подлеска и света луны.

Мне было так страшно, что я едва не описался.

– ГЕНРИ-И-И-И-И-И-И! – взвыла Наоми в тот миг, когда меня накрыла рыболовная сеть...

Я проснулся весь в поту в собственной комнате. Мне понадобилось некоторое время, чтобы обрести некое подобие присутствия духа и успокоить бешено колотящееся сердце. Свет маяка появлялся и пропадал. Дождь за окном продолжал затоплять остров. Дождя не было только в моем сне. И только там она была живой.

13. Одиннадцатью днями раньше

Джею очень хотелось сигару. Он не курил больше пяти часов. Но он был заперт здесь. В глухой, без окон, комнате бетонного строения, которое к этому очень мало располагало.

Служба безопасности «Вотч Корп» занимала четыре этажа здания, ничем не привлекавшего внимания, если не считать чересчур большого количества камер слежения поверху решетчатого забора, окружавшего парковку в восьми метрах от перекрестка между бульваром Балтимор-Вашингтон и шоссе 32 штата Мэриленд. По словам бывшего руководителя американской разведки – «самая высокая концентрация кибервласти планеты». В бизнес-парке, расположившемся поблизости, не было штаб-квартир банков, нефтяных или автостроительных компаний, ибо главным субподрядчиком было Агентство национальной безопасности. Штаб-квартира «Вотч Корп», как и многие другие, была населена молодыми, небрежно одетыми компьютерщиками, а также бывшими государственными должностными лицами в костюмах. Они не только делились опытом и знаниями, но, используя сохранившиеся связи в высших кругах, подтверждали, что политика правительства в области наблюдения продолжает изменяться в нужную сторону. После 11 сентября был отмечен бурный рост расходов на безопасность, и добрая часть этих средств текла прямым ходом из карманов налогоплательщиков на банковские счета таких людей, как Грант Огастин.

Телефон на рабочем столе зазвонил. Джей нахмурился. Сюда ему никто не должен был звонить.

– Нет, я не мистер Джозеф Тернер, – ответил он. – Нет, я не знаю, какой у него номер. Нет, мне неизвестно, как с ним связаться.

Разъяренно бросив трубку, он встал, обошел вокруг единственного стола и потянулся – руки почти коснулись стен с обеих сторон. Из-за того, что Джей пристально вглядывался в мелкие строчки на экране, глаза у него покраснели. Он вышел из комнаты, прошел по коридору до автомата с напитками и налил себе свежей кока-колы.

Вернувшись в маленький кабинет, Джей расстегнул воротник рубашки и снова склонился к монитору. Его лицо, освещенное экраном, расплылось в улыбке. Каких-нибудь десять лет назад власть, которой он располагал здесь и сейчас, существовала только в фильмах и научно-фантастических романах. Со своего рабочего места Джей мог без труда проникнуть в жизнь любого гражданина, обладающего аккаунтом в Интернете или мобильным телефоном. *Он был богом.* Бога звали Джей. Впрочем, богами были все сотрудники этой чертовой конторы. Преимущественно молодые, в школе они едва ли могли похвастаться хорошей успеваемостью, но зато обладали впечатляющими навыками в области компьютерных технологий. Многовековая мечта всех правителей о всемогуществе благодаря техническому прогрессу была в одном шаге от осуществления.

Это происходило *в этих четырех стенах.* На площади в несколько квадратных километров, в офисах группы предприятий, которые по поручению американского правительства наблюдали за тем, что делает, говорит и думает остальная часть человечества.

Привет, я БОГ.

Нет, это я – БОГ, а вы кто?

Если вы БОГ, то должны это знать.

Кстати, я это знаю: вы БОГ.

Типичная шутка, которую часто можно услышать у кофемашины. Джей был слишком старым – и чересчур старомодным, – чтобы водиться с этими мальчишками. Он не обладал особыми компьютерными знаниями и совершенно не горел желанием обсуждать последние приложения к пятому «Айфону» или очередной эпизод «Звездных войн». Он умел пользоваться лишь некоторыми программами, предоставленными в его распоряжение. Такими,

как X-KEYSCOR³⁰, позволяющая наблюдать за заданным объектом: содержание электронных писем, история поисков и интернет-навигация, деятельность в социальных сетях. Можно даже установить слежку в реальном времени за любым пользователем Интернета. Причем находящегося как в любой точке мира, так и в этой же комнате, которого можно увидеть, оглянувшись через плечо.

Джей вырос в ту эпоху, когда не существовало даже мобильных телефонов и домашних компьютеров. Его одновременно восхищало и ужасало количество информации о частной жизни каждого из миллиардов людей, которой располагала такая лавочка, как «Вотч Корп».

Что произойдет, если однажды эта власть попадет в плохие руки? Единственная мысль, которая приходила ему в голову: «Возможно, это уже произошло».

Джей уставился на экран, где высвечивались демографические данные архипелага.

Общее число населения: 16 409

Мужчины: 8056

Женщины: 8353

Моложе 18 лет: 3296

Белой расы: 12 323

Африканской расы: 1649

Индейцы или уроженцы Аляски: 148

Азиатской расы: 591

Уроженцы Гавайев и других островов Тихого океана: 16

Испаноязычные или латиноамериканцы: 1682

Джей ввел две цифры, чтобы отобразить новые данные.

В возрасте 16 лет: 193

Он произвел несколько дополнительных манипуляций, и появился следующий результат.

В возрасте 16 лет белой расы мужского пола: 68

Джей долго изучал эту цифру. Поразмывлял. И начал новый поиск.

В возрасте 15-16-17 лет белой расы, мужского пола: 167

Он откинулся на спинку кресла, сложив руки на затылке. Кто знает, не изменила ли тогда Мередит его возраст – так же, как наверняка изменила его имя. Джей снова постучал по клавишам. Появились имена семнадцатилетних. Напротив каждого – телефонный номер. Взгляд на циферблат: почти час дня. Времени еще предостаточно. Он медленно пробежал глазами колонку имен пару раз, но ни одно из них не показалось ему знакомым. Джей запустил PROTON – программу, собирающую метаданные на отображаемые номера. Для таких людей, как Джей, метаданные – то есть данные, касающиеся телефонного звонка: кто кому звонил? когда? сколько длился разговор? – были первоосновой. Они представляли едва ли не больший интерес, чем само содержание бесед. Представьте себе женатого человека, которому поздно вечером звонит женщина, но не жена. Молодая женщина, которая в тот же день связывалась со своим гинекологом, лучшей подругой и клиникой, специализирующейся по абортам. Чтобы узнать, что там происходит, вовсе не нужно знать содержание разговоров.

Параллельно Джей запустил поиск по *прошлому*: благодаря огромному архиву Агентства национальной безопасности он мог получить доступ не только к метаданным реального времени, но и к данным за минувшие годы. Метаданные, собранные Агентством национальной безопасности и такими субподрядчиками, как «Вотч Корп», поступали на хранение в две базы данных: «Марина» и «Мейнвей». В первой содержался интернет-трафик, вторая могла предо-

³⁰ Программа компьютерного слежения, используемая Агентством национальной безопасности США.

ставить до миллиарда и больше фонограмм телефонных звонков в день. В секретный бюджет справочных бюро каждый год частными гигантами телекоммуникаций вносились сотни миллионов долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.